

IV РОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС

Том XII

тематическая конференция

«СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА»

(сборник материалов)

Москва

2020

НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
Институт экономики РАН, Экономический факультет МГУ им. М. В.
Ломоносова,
Московская школа экономики МГУ им. М. В. Ломоносова

IV РОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС

Том XII
тематическая конференция
«СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА»
(сборник материалов)

Сопредседатели программного комитета
Е. Т. Гурвич, В. М. Полтерович, А. Я. Рубинштейн

Москва
2020

НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
Институт экономики РАН, Экономический факультет МГУ им. М. В.
Ломоносова,
Московская школа экономики МГУ им. М. В. Ломоносова

IV РОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС

Том XII
тематическая конференция
«СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА»
(сборник материалов)

Составители
Е.Ш.Гонтмахер, Л.Н.Овчарова

Москва
2020

УДК 338

ББК 65

ISBN 978-5-9940-0694-8

IV Российский экономический конгресс «РЭК-2020». Том XII. Тематическая конференция «Социальная политика» (сборник материалов) / Составители: Е.Ш.Гонтмахер, Л.Н.Овчарова. – М., 2020.

Все тексты публикуются в авторской редакции.

ISBN 978-5-9940-0694-8

Москва
2020

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I

Основная программа РЭК-2020

Плискевич Н.М. Российское социальное государство и проблемы национальной безопасности.....	6
Берендеева А.Б. Социальные диспропорции и их преодоление в российских регионах.....	12
Меньших Д.А. Динамический подход при анализе бедности в России: влияние новых анти-кризисных мер на уровень хронической и переходной бедности.....	16
Мареева С.В. Монетарное неравенство в России в социологическом измерении.....	20
Малева Т.М., Гришина Е.Е., Бурдяк А.Я. Хроническая бедность: что влияет на ее масштабы и остроту?.....	23
Григорьева И.А. Старение и трансформация приоритетов социальной политики.....	27
Маланина В.А., Фролова Е.А. Бедность среди пожилых людей в России: потенциальные предикторы.....	31
Тихинова Н.Е., Слободенюк Е.Д. Бедность российских профессионалов: распространенность, причины, тенденции.....	35
Селезнева Е.В. Развитие инструментов оценки нуждаемости в долговременном уходе в странах мира.....	38
Гудкова Т.Б., Карева Д.Е. Факторы субъективного благополучия старшего поколения в России.....	41
Варламова Ю.А. Межпоколенческий цифровой разрыв в России: уровни, динамика, специфика.....	45
Соболева И.В. Уязвимые группы в условиях цифровизации: вызовы для социальной политики.....	71
Ржаницына Л.С. Совершенствование системы получения алиментов - путь снижения бедности	74
Горина Е.А., Селезнева Е.В. Внутренняя продовольственная помощь детям раннего возраста в регионах России.....	77
Громов В.В. Неиспользованные резервы НДФЛ как инструмента социальной политики государства.....	81

Российское социальное государство и проблемы национальной безопасности

Конституцией Российской Федерации в одной из первых статей страна провозглашается социальным государством. И само это провозглашение, и расшифровка его смысла вполне соответствуют массовым представлениям о характере такого государства, сложившимся к концу существования советской системы, когда люди крайне устали от существования в рамках иерархической системы распределения и жаждали восстановления сложившегося в массовом сознании представления о социальной справедливости. Но уже в такой трактовке справедливости, слитой с представлениями о равном доступе к благам, которые призвано предоставлять государство, были заложены истоки противоречивости и трактовки, и самого бытия понятия «социальное государство» в постсоветской России. С одной стороны, массовое сознание (особенно после эксцессов быстрой приватизации) не только не противилось, но даже приветствовало процессы нового огосударствления средств производства (прежде всего, прямое, но и опосредованное собственниками – приближенными к органам власти, выдвигая в то же время к ним требования по обеспечению провозглашенных социальных функций). Но с другой стороны, в современных условиях, когда социальные функции развитого общества существенно расширились, государство, стремящееся взять именно на себя все больше и больше таких функций, одновременно блокируя возможности частной инициативы (особенно неподконтрольной ему), оказывается не способным их качественно выполнять, несмотря на огромный объем подконтрольных ему ресурсов.

В результате к настоящему времени мы имеем не современное социальное государство, а государство патерналистское, причем сконцентрированное на архаичных формах патернализма и пренебрегающее теми известными в мировой практике формами, которые рождались в течение десятилетий в странах с развитой либеральной экономикой. В то же время именно способ строительства новой, постсоветской, государственности по сути своей соответствует привычным для страны институциональным конструкциям, сутью которых является связка систем собственности и власти. Причем институты собственности оказываются в прямом или косвенном подчинении властным институтам. Эта конструкция свойственна сегодня многим государствам. Но развитые страны, о которых обычно говорят как о государствах социальных с развитой системой рыночного хозяйства в ходе многовековой эволюции смогли разорвать связку власти и собственности. Это, в частности, открыло для них возмож-

ности быстрого экономического развития, обеспечившего благосостояние не только высших слоев, но и широких народных масс.

XX в. дал не один пример удачной эволюции традиционных институтов в институты социального рыночного хозяйства. Практика же концентрации ресурсов под государственным контролем, как показывает опыт того же XX в., оказывалась способной обеспечить развитие лишь ограниченного числа избранных властями сфер экономики, но за счет других сфер, как правило, связанных с обеспечением «всестороннего развития» личности, ее благосостоянием. То есть конституционное провозглашение России социальным государством входило в противоречие и с привычными для страны институциональными конструкциями связки власти и собственности, и с интересами «промежуточных выгодоприобретателей» – лиц во власти или около нее по тем или иным причинам оказавшихся на первых этапах реформ в привилегированном положении и стремящихся это положение удержать.

Этот внутренний разрыв между провозглашенными Конституцией РФ принципами и реальностью закономерен, так как вырастает из несоответствия отечественных традиций тем принципам, которыми, например, руководствовались идеологи и строители послевоенного немецкого «экономического чуда». Так, А.Мюллер-Армак писал, что в противостоянии с Восточной Европой «Запад должен найти лучшие, более гуманные, более свободные и более социально приемлемые решения жизненных проблем в современном мире» (Мюллер-Армак, 2007, с.54). А Л.Эрхард, стремившийся найти в самом народе стимулы к экономическому росту, с одной стороны, отмечал, что в этом «определяющее значение имеют не только технические, автоматические механизмы поддержания сбалансированности на рынке, но и духовные, и нравственные представления. Одного поддержания равновесия между спросом и предложением через свободное формирование цен мало для оправдания общественного строя или наполнения его идейного багажа» (Эрхард, 2007, с.42). При этом он был противником политики, основанной на государственном перераспределении ресурсов, для решения тех или иных социальных нужд и называл такое государство «снабженческим» (Эрхард, 2007, с.88).

Таким образом, провозглашенное в Конституции РФ социальное государство столкнулось с привычными для страны институтами, называемыми, в частности «власть-собственность», которые были привычны и для большинства населения. А потому рост открытого неравенства, вызванный и началом реформ, и структурными деформациями советского периода, привел к резкому росту отрицания самого перехода к рыночной экономике.

Правда, в 2000-е гг. с ростом цен на энергоносители люди стали получать некоторую часть рентных доходов. Уровень бедности несколько снизился, но неравенство, обусловленное институциональной системой, продолжало расти. И свойственная системе «власть-собственность» иерархическая конструкция чем дальше, тем больше входила в противоречие с принципами социального государства и укорененными в массах представлениями о справедливости. Не удивительно, что власть, согласно опросам, считали справедливой в 2010-х гг. от 3 до 8% опрошенных. Причем в 2019 г. 53% населения на вопрос о том, почему интересы власти и общества не совпадают, выбрали ответ «Власти живут за счет населения, их мало волнует, как живет народ» (Общественное мнение, 2020, с.41,42).

Столь же серьезные расхождения в представлениях о том, какие приоритеты должно ставить социальное государство, выявляются и на уровне функционирования институтов (прежде всего, государственных), призванных обеспечивать «достойную жизнь и свободное развитие человека», как указано в Конституции РФ, и в советский, и в постсоветский периоды учреждения здравоохранения, образования, науки, культуры финансировались по остаточному принципу, не выдерживались даже пропорциональные нормы, законодательно утвержденные для бюджета на эти цели. При этом, как отмечает А.Рубинштейн, «чиновникам Минфина удалось невозможное – бюджетное *обязательство* учредителей «переплавить» в *обязанности* созданных ими организаций культуры, образования и науки выполнять необоснованно установленные этим ведомствам требования в области расходов труда и материалов» (Рубинштейн, 2019, с.118).

Такой подход – яркое свидетельство расхождения реальности и провозглашенных в Конституции РФ принципов. В то же время, вряд ли истоком его являются чиновники Минфина, верстающие бюджет. Они в своих действиях опираются на полученные с более высоких этажей административной иерархии приоритеты. Приоритеты же эти сформулированы в официальной концепции национальной безопасности, которая строится на основе четкой триады «государство – общество – человек». При таком подходе естественной представляется традиционное для страны отраслей, обслуживающих человека, по остаточному принципу.

Между тем представляется, что в современных условиях начавшегося перехода к качественно новому этапу научно-технической революции, к экономике знаний жизненно необходим пересмотр традиционной триады на «человек – общество – государство». Тут уместно вспомнить, что и переход к индустриализации страны потребовал огромного числа работников, качественно иных образования и культуры (не только руководящих, но и рядо-

вых). Не случайно этот качественный сдвиг получил у нас название «культурная революция». И новый этап развития требует новой «культурной революции», способной готовить в массовом количестве людей, знающих, как ориентироваться в новом обществе, и обладающих соответствующим уровнем не только профессиональной, но и общей культуры. А также создавать условия для тех, кто рождает идеи, дающие пути развития и экономики, и культуры нового качества.

Стоит напомнить, что идея о новой триаде национальной безопасности была выдвинута еще в 1990 г. академиком Ю.Рыжовым. Важно, что она стала результатом наблюдений и размышлений академика о причинах выявлявшейся уже в 1970-х гг. постепенной деградации той отрасли, в которой он работал и которая всегда была приоритетной в отечественных представлениях о национальной безопасности, – в авиационной и космической. То есть проблемы с формированием соответствующего потребностям времени человеческого потенциала появилась в стране еще в советский период, но была не востребована.

Думается, если наша страна хочет остаться среди передовых государств мира, необходимо вернуться к выдвинутой Рыжовым идее. Это необходимо для создания в стране человеческого потенциала нового количества и качества. Это же открывает новые перспективы для построения в стране социального государства, достижения им уровня «государства всеобщего благосостояния», нацеленного не только на резкое сокращение показателей имущественного неравенства, но и на обеспечение для значительной части населения условий доступа к качественным образцам культуры, образования, современного здравоохранения. Лишь данное сочетание может дать стране шанс такого экономического роста и развития, который поможет снять противоречие между реальностью и зафиксированным в Конституции РФ тезисом о России как социальном государстве. И как раз такой путь, как это ни покажется кому-то парадоксальным, открывает дорогу и к истинной национальной безопасности страны, не только внутренней, но и внешней.

ЛИТЕРАТУРА

- Дмитриев М.Э., Никольская А.В. (2019). Осенний перелом в сознании россиян: мимолетный всплеск или новая тенденция? // *Общественные науки и современность*. № 2, 19-34.
- Мюллер-Армак А.(2007). Принципы социального рыночного хозяйства // *Социальное рыночное хозяйство. Концепции, практический опыт и перспективы применения в России*. (Под ред. Р.М.Нуреева) М.: ГУ ВШЭ, ТЕИС, 52-72.
- Общественное мнение – 2019. Ежегодник.(2020). М.: Левада-Центр.

- Рубинштейн А.Я. (2019). О провалах государства и несостоявшихся реформах в гуманитарном секторе// Вопросы теоретической экономики. № 1, 116-132.
- Эрхард Л. (2007). Мышление порядка в рыночной экономике // Социальное рыночное хозяйство. Концепции, практический опыт и перспективы применения в России. Под ред. Р.М. Нуреева. М.: ГУ ВШЭ, ТЕИС, 39-52.

Социальные диспропорции и их преодоление в российских регионах

Социальные диспропорции в современной России проявляются, прежде всего, *в демографической сфере* (несоответствие территории страны и численности населения, отставание от развитых стран по многим демографическим показателям, существенная диспропорция полов в большинстве регионов, рост демографической нагрузки, др.), *в сфере труда* (несоответствие между характеристика спроса и предложения рабочей силы в регионах, в том числе в профессионально-квалификационном аспекте, др.), *в сфере доходов населения* (низкая доля оплаты труда в доходах, несоответствие низких зарплат работников социальной сферы значимости их труда, поляризация доходов бедных и богатых, наличие скрытых доходов, др.), *в структуре расходов населения* (высокая доля расходов на покупку продовольствия, низкая покупательная способность среднедушевых денежных доходов, др.), *в состоянии социальной сферы* (недостаточные государственные расходы на социальные нужды, несоответствие величины муниципальных бюджетов и потребностей в развитии доступной и качественной социальной сферы и инфраструктуры во многих муниципалитетах, др.).

Какова методология современных экономических преобразований в России? С позиции А.И. Субетто выделяется 8 таких законов (инфраструктурный, централизации управления социально-экономическим развитием России, существования достаточного сектора мобилизационной экономики, плановости, общинно-государственного землепользования как закон бытия российской цивилизации, доминирования закона кооперации над действием закона конкуренции, стратегического резервирования для сглаживания кризисов развития, закон идеократии).

Вместе с тем для нашей страны актуальны проблемы суженного воспроизводства и депопуляции, постарения населения и ухудшение его качества, перехода семьи к нуклеарному типу и др. Наш анализ показал, что население России и ЦФО в 2015–2017 гг. росло, но, например, в 2017 г. рост происходил только за счет Москвы и Московской области, во всех остальных 16 субъектах ЦФО наблюдалась убыль населения. Наибольшее изменение численности населения в 2017 г. из регионов Верхневолжья – в Ивановской и Владимирской областях, затем идут Костромская и Ярославская области. Население РФ растет за счет мигрантов при сохранении естественной убыли. Положительный миграционный прирост в ЦФО имеют г. Москва, области Белгородская, Воронежская, Калужская, Московская, Рязанская, Смолен-

ская, Тамбовская, Тульская, Ярославская. В остальных областях (Брянской, Владимирской, Ивановской, Костромской, Курской, Липецкой, Орловской, Тверской) число выбывших превышает число прибывших (миграционная убыль). В Ивановской области самый высокий среди рассматриваемых регионов коэффициент естественной убыли.

С учетом территориальных масштабов нашей страны актуально говорить о *законе народосбережения*, поскольку вопросы демографической безопасности сейчас выходят на одно из первых мест, и неслучайно Президент России В.В. Путин в своих выступлениях выдвигает демографические проблемы на первый план.

В современной России острыми остаются проблемы дифференциации уровня развития территорий; сохраняется высокий уровень межрегионального социально-экономического неравенства (по уровню и качеству жизни, обеспеченности инфраструктурой); нереализованный потенциал межрегионального и межмуниципального взаимодействия; недостаточное количество центров экономического роста для обеспечения ускорения экономического роста России и т.д.

Во многих малых и моногородах повысилась степень износа инженерной и социальной инфраструктуры из-за дефицита местных бюджетов; снизились возможности для развития среднего и малого бизнеса в городах из-за падения спроса на бытовые услуги в результате бедности населения; произошел отток молодежи и наиболее активной части трудоспособного населения в другие, более крупные и полиструктурные города и изменилась в худшую сторону половозрастная структура населения.

Приняты Дорожная карта развития агломераций в РФ, Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г., в которой говорится о необходимости трансформации пространственной организации экономики. В связи с этим одним из законов социально-экономического развития России должен стать *закон выравнивания диспропорций территориального развития*.

Как реагирует наука на происходящие социальные изменения и социальные «издержки» реформирования? Вторая половина XX в. породила концепции социальной экономики (социальной экономии, социозкономики), социального рыночного хозяйства, экономической социодинамики, социализации и социальных свойств экономики, социальной ответственности бизнеса, др. Особая роль человека как ресурса, капитала в экономике разрабатывается в рамках теорий и концепций: человеческого капитала, национального богатства, неоиндустриаль-

ной и инновационной экономики, цифровой экономики, информационного общества, экономики знаний, креативной экономики, и др.

При этом социальные проблемы исследуются в рамках междисциплинарного подхода – на стыке наук, прежде всего экономики, социологии, психологии, учения о ноосфере и т.д. При этом активно выдвигаются новые теории, концепции, идеи. «Издержки» российского реформирования отражены в концепциях: изъятий смешанной экономики, общественных метаморфоз, общества травмы, неопределенности, прекариата как нового класса, безопасности / вызовов, угроз, рисков и др. Актуальные теории и концепции модернизации, социального государства, солидарности и сплоченности, социального партнерства, общественного здоровья, экономики счастья, справедливости, доверия в обществе, др.

Каковы изменения в социально-экономической политике государства как ответ на вызовы и угрозы внутренней и внешней среды?

Положительны сдвиги в социальной политике государства с 2020 г. – распространение материнского (семейного) капитала на первого ребенка, увеличение выплат на детей до 3-летнего возраста, программа «Сельский учитель», компенсация ипотеки и другие льготы многодетным семьям, льготная ипотека для селян и др.

Поскольку улучшение демографических показателей, как показывают многочисленные исследования, является результатом комплекса мер, задача федеральной и региональной власти – оказывать широкий спектр мер поддержки населению особенно репродуктивных возрастов, а также детей, семей разных типов с учетом структуры потребностей современного человека, семьи. Главная группа мер должна касаться улучшения жилищных условий (жилье – самый дорогой товар первой необходимости), образования, здравоохранения, создания рабочих мест с достойными условиями и оплатой труда. Необходимо добиваться реального повышения качества и доступности (финансовой, территориальной, временной) социальных услуг. В качестве индикаторов перемен могут быть широко распространенные в настоящее время опросы населения, в том числе интернет-опросы на сайтах региональной и муниципальной власти.

Необходимо добиться высокой эффективности бюджетных средств, направляемых на модернизацию моногородов и уход от зависимости от градообразующих предприятий. При этом важно использовать комплекс мер и созданных институтов, а также мировой опыт, прежде всего при разработке концепций и стратегий развития таких территорий для поиска наи-

более эффективных механизмов реабилитации части монопрофильных городов, для сотрудничества всех уровней власти, бизнеса и проживающего в них населения.

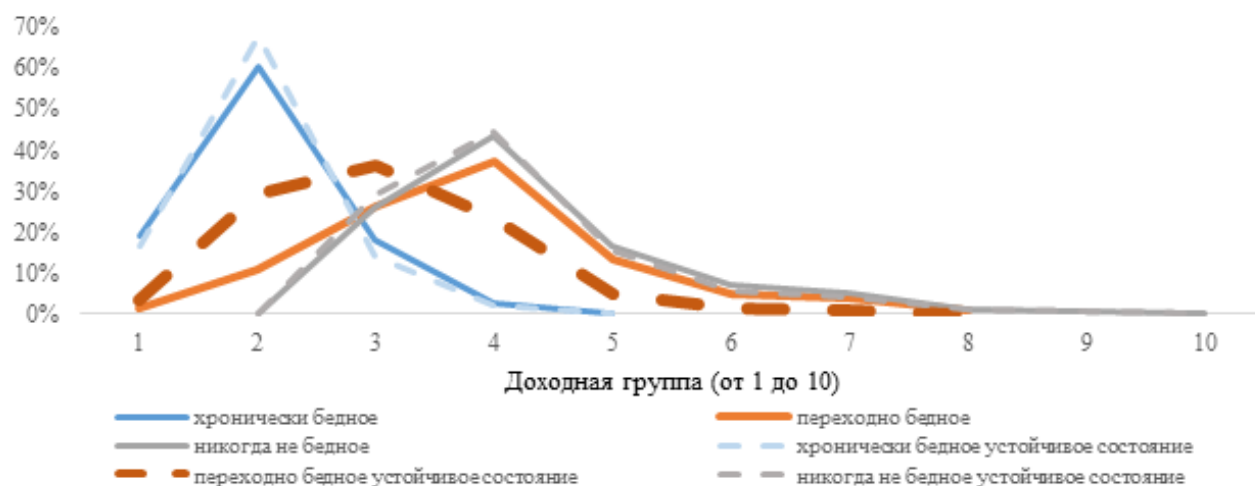
Актуальна тема реиндустриализации и повышения доли промышленности в структуре ВРП регионов, дальнейшего развития системы госзаказа и оборонзаказа, создания в каждом регионе развитой институциональной среды (индустриальные и технопарки, ТОРы, научно-образовательные центры, детские кванториумы и т.д.), совершенствование системы оценки эффективности деятельности государственных гражданских служащих, руководителей территориальных образований (губернаторов, глав муниципальных образований и т.д.).

Динамический подход при анализе бедности в России: влияние новых антикризисных мер на уровень хронической и переходной бедности

При анализе российской бедности и при формулировании мер экономической политики, направленной на снижение уровня бедности, важно проводить разделение между хронической бедностью и переходной бедностью, где под хронической или устойчивой бедностью понимается явление, когда наблюдаемый уровень доходов или потребления индивидов, групп индивидов, домашних хозяйств или населения страны в целом находится ниже установленной черты бедности постоянно, или в среднем за исследуемый период. Формирование хронической бедности связано с функционированием механизмов, способствующих закреплению бедности, - то есть с существованием так называемых «ловушек бедности». Причины бедности хронически бедного населения – структурные. Переходно бедное население можно назвать уязвимым к бедности или потенциально бедным.

Анализ панельных данных по домашним хозяйствам за период 2013-2018 гг. (данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)) позволил выявить в России три группы домашних хозяйств: хронически бедных, переходно бедных и относительно богатых домашних хозяйств. Хронически и переходно бедные домашние хозяйства выделялись по методологии Baulch, McCulloch (2002) и Jalan, Ravallion (2000), когда хронически бедным считалось домашнее хозяйство, у которого средний доход за период оказывался ниже среднего за период прожиточного минимума. Доля хронически бедных домашних хозяйств в России в 2013-2018 гг. в общей численности домашних хозяйств по данным РМЭЗ составила 9%. Доля переходно бедных домашних хозяйств - 22%. Был получен вывод о том, что несмотря на то, что официальный уровень бедности в 2013-2018 гг. снижался, эта динамика была обусловлена сокращением переходной, а не хронической бедности. Бедность хронически бедных домашних хозяйств, напротив, углублялась, т.е. ядро бедности оставалось устойчивым.

Были построены эмпирические матрицы переходных вероятностей между доходными группами для хронически бедных, переходно бедных и относительно богатых домашних хозяйств. Группа переходно бедного населения заметно отличается от группы хронически бедного. Вероятность выхода из состояния бедности для переходно бедного домашнего хозяй-

ства при попадании в группу с доходами ниже 0,5 ПМ составляет 73,7% (для хронически бедного населения – 9%). Вероятность выхода из состояния бедности для переходно бедного домашнего хозяйства при попадании в группу с доходами 0,5 до 1 ПМ составляет около 70% (для хронически бедного населения – 15%). Хронически бедные домашние хозяйства находятся в бедности по причине существования самоподдерживающегося механизма ловушки бедности, их бедность глубокая и устойчивая. Группа переходно бедного населения отличается тем, что может оказаться в бедности на непродолжительные промежутки времени по причине отрицательного шока доходов, однако этот шок не приведет к устойчивой бедности. С большой вероятностью домашнее хозяйство сможет выйти из состава бедного населения уже в следующем периоде.

Было проанализировано доходное распределение для трех групп домашних хозяйств (хронически бедного, переходно бедного и никогда не бедного) в динамике путем умножения эмпирической матрицы переходных вероятностей на текущее доходное распределение, чтобы выявить основные тенденции в динамике доходов данных групп. На основании эмпирически полученных матриц переходных вероятностей был сделан вывод о наличии на уровне домашних хозяйств явления клубной конвергенции с клубами хронически бедных домашних хозяйств и относительно богатых домашних хозяйств. Разрыв между клубами увеличивается, а внутри каждого клуба сокращается. При этом динамика распределения доходов на текущий момент такова, что переходно бедные домашние хозяйства отдаляются от относительно богатых домашних хозяйств (Рисунок 1).

Рис.1 Плотности распределения доходов хронически бедного, переходно бедного, никогда не бедного населения

Источник: Составлено автором по данным РМЭЗ

Наличие хронической бедности в России является серьезным препятствием для реализации цели по сокращению уровня бедности к 2030 г. в два раза, т.к. необходима переориентация экономической политики на преодоление механизмов, способствующих формированию хронической бедности.

Объявленные из-за коронавируса дополнительные трансферты населению в 2020 г. составят около 750 млрд руб. и около 300 млрд руб. в 2021 г. Учитывая тот факт, что в 2020 г. в Послании Федеральному собранию также было объявлено о росте трансфертов населению, текущую антикризисную политику государства можно считать беспрецедентной в плане широты предоставляемых населению трансфертов. В результате объявленных мер поддержки экономики прирост трансфертов населению составит около 1 трлн руб. ежегодно (Рисунок 2)

Рис.2 Объем трансфертов населению в 2020-2024 гг.

ставлено автором

Около 80% от объема всех объявленных мер будут направлены домашним хозяйствам с детьми, т.к. около 70% детей проживают в домашних хозяйствах из первых четырех децильных доходных групп, то можно говорить о том, что большая доля из выделенных средств будет направлена в бедные домашние хозяйства.

Интересно посмотреть, какой потенциальный эффект объявленные меры будут иметь на уровень хронической бедности и переходной бедности. Покрытыми новыми мерами поддержки (единоразовыми выплатами семьям с детьми до 3х лет и от 3х от 16 лет, а также новым социальным пособием детям от 3х до 7 лет) окажутся 54% хронически бедных домашних хозяйств и 30% переходно бедных домашних хозяйств. При этом бессрочное социальное

пособие детям от 3х до 7 лет в размере 5500 руб. в 2020 г. и 11000 начиная с 2021 г. (которое будет иметь долгосрочный эффект на уровень бедности) получают около 40% хронически бедных домашних хозяйств и только около 18% переходно бедных домашних хозяйств. Учитывая, что средний дефицит дохода хронически бедных домашних хозяйств исходя из данных РМЭЗ составляет около 6000 руб. можно предположить, что проводимая социальная политика приведет к долгосрочному сокращению уровня хронической бедности в России примерно на 3-4 п.п.

Однако, как было отмечено ранее, причины существования хронической бедности – структурные. Проводимая социальная политика, хотя и приведет к сокращению ядра бедного населения, но это сокращение будет чисто статистическим, в то время как ловушки бедности продолжают функционировать.

Список литературы:

- Богомолова Т. Ю., Тапилина В. С. (2005). Бедность в современной России: измерение и анализ // Экономическая наука современной России, № 1, 93-106.
- Слободенюк Е. Д. (2019). Глубокая бедность в России: специфика объективного и субъективного положения и запросы к социальной политике // Социологическая наука и социальная практика, Т 7, № 4, 148-160.
- Тихонова Н.Е., Слободенюк Е.Д. (2014). Гетерогенность российской бедности через призму депривационного и абсолютного подходов // Общественные науки и современность, № 1, 36–49.
- Тихонова Н. Е. (2014). Феномен бедности в современной России // Социологические исследования, № 1, 7-19.
- Baulch, B., McCulloch, N. (2002). Being Poor and Becoming Poor: Poverty Status and Poverty Transitions in Rural Pakistan // Journal of Asian and African Studies, Vol.37, № 2, 168–185.
- Jalan, J., Ravallion, M. (2000). Is transient poverty different? Evidence for rural China // Journal of Development Studies, Vol.36, № 6, 82–99.

Монетарное неравенство в России в социологическом измерении

Доклад посвящен особенностям конфигурации доходного неравенства в современном российском обществе и тенденциям его изменений в постсоветский период развития страны. Эмпирической базой выступают данные официальной статистики ФСГС РФ, оценки международных исследовательских центров, а также результаты социологических исследований.

Монетарное неравенство, на первый взгляд, проще для измерения и оценки, чем различные типы немонетарных неравенств, которые в совокупности формируют социальное пространство. Однако разные теоретико-методологические подходы, через которые оно может быть рассмотрено, демонстрируют разные его аспекты. Так, традиционные экономические показатели неравенства доходов (децильный коэффициент, индекс Джини и др.) позиционируют Россию на фоне других стран мира как характеризующуюся высокими, но не максимальными показателями неравенства в массовых слоях населения. По сравнению с европейскими странами, Россия характеризуется более высоким уровнем неравенства, в то время как по сравнению со странами БРИКС – более низким. При использовании шкал эквивалентности, которые позволяют учесть экономию на масштабе потребления, позиционирование России даже не фоне европейских стран заметно улучшается (отметим, однако, что вопрос адекватности различных версий шкал эквивалентности для российских условий – вопрос для отдельной дискуссии).

Если говорить о неравенстве в нижней части доходного распределения, то оно в 2000-е гг. сокращалось, т.к. численность бедных в целом демонстрировала тенденцию к снижению, а доходы низкодоходного населения росли быстрее, чем доходы россиян в целом. Эти тенденции привели к тому, что российское общество трансформировалось из общества массовой бедности в общество массовых средних групп. И хотя уровень их жизни остается достаточно скромным, он все же заметно превышает стандарт физического выживания: можно говорить о массовой малообеспеченности россиян, но не о массовом их обеднении в последние годы.

В полярной части доходного распределения, наоборот, наблюдался значительный и несокращающийся отрыв между «верхушкой», по концентрации доходов и богатства в руках которой Россия является одним из мировых лидеров, и остальным массовым населением.

Что же касается середины распределения, то динамика модели доходной стратификации характеризовалась в эти годы значительным ростом численности групп с медианными и

средними доходами. Увеличение их численности происходило как за счет подтягивания части низкодоходных слоев к середине (что проявилось, в том числе, в заметном снижении уровня бедности в 2000-е гг.), так и за счет «усреднения» уровня доходов более благополучных слоев.

Представляется, что подобные тенденции должны были бы снижать социальную напряженность, поскольку неравенство является одной из наиболее острых социальных проблем в общественном сознании. Однако на практике проблема неравенства не теряет своей остроты, оставаясь ключевой «болевой точкой» нынешнего развития страны. Оценка существующего в России неравенства доходов как излишне глубокого и в высшей степени несправедливого характерна сегодня для всех без исключения слоев населения, никакого ценностного раскола между более и менее благополучными группами в этом отношении не наблюдается. Это связано с целым рядом причин. Ключевые из них: нелегитимность оснований монетарного неравенства в глазах населения; острое восприятие россиянами растущего «отрыва» немногочисленной «верхушки», а не масштабов неравенства между массовыми группами населения; несоответствие тенденций выравнивания доходов в массовых слоях населения и сокращения высокодоходной группы запросам наиболее образованных и квалифицированных россиян; острое восприятие не только монетарного неравенства, но и его немонетарных измерений.

Даже представители благополучных социальных групп, в частности - среднего класса (объединяющего в себе наиболее образованных и квалифицированных россиян с доходами не ниже медианных), отличаясь от остальных групп населения своим объективным положением, считают себя представителями «середины», а отнюдь не благополучных слоев. Поэтому, говоря о неравенстве, они подразумевают не разрыв между своими позициями и позициями остальных массовых групп населения, а значительный и растущий отрыв малочисленной верхушки от всех остальных россиян, к которым относятся и они сами. Это отражается и в специфике восприятия населением (как в целом, так и представителями его благополучных групп) социальных конфликтов в современном российском обществе, ключевым из которых считается конфликт между бедными и богатыми. В отличие от этого остро воспринимаемого противостояния между массово бедными и единицами богатых, воспринимаемых как особый «класс», противостоящий всем остальным россиянам, остальные конфликты, в том числе традиционные измерения классового неравенства – конфликты между «начальством» и ря-

довыми работниками, а также рабочим и средним классом - актуализированы гораздо в меньшей степени.

В этих условиях особенно важным является понимание необходимости формирования нового общественного договора между обществом и властью, которое пока отсутствует как среди населения, так и во властных элитах. Вопросов, на которые предстоит ответить при определении позиций этого договора в отношении проблемы неравенств, достаточно много, и среди них важное значение имеет вопрос о том, с неравенством между какими группами и какими методами предполагается бороться: идет ли речь только о поддержании наиболее бедных, о сглаживании неравенств в срединных слоях населения или о сокращении отрыва верхушки от основной массы россиян. Ответы на этот вопрос (и даже его постановка) пока не звучат в социально-политической повестке дня, однако без его решения не может быть эффективно реализован ответ на серьезный вызов неравенства.

Малева Т.М., Гришина Е.Е., Бурдяк А.Я.
Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ,
Москва

Хроническая бедность: что влияет на ее масштабы и остроту?

Ключевые слова: хроническая бедность, длительная бедность, острота бедности, факторы
JEL: I32, I38

В центре данного исследования – хроническая или длительная бедность российского населения в 2010-е годы. Изучение факторов попадания домохозяйств в ловушку длительной бедности актуально в свете необходимости [снижения уровня бедности, как одного из показателей, характеризующих достижение национальной цели «Сохранение населения, здоровье и благополучие людей», поставленной Президентом РФ в Указе от 21.07.2020 N 474.](#)

Анализу хронической бедности в России посвящены работы Д. Спрыскова (2000), Ю. Такэды (2005), И. Денисовой (2007), Б. Миллса и Э. Микерези (2009). Однако, все указанные исследования были сделаны до 2010 г. В данной работе мы проводим анализ факторов хронической бедности в России в период с 2010 г. по 2018 г., а также численно оцениваем влияние различных характеристик домашних хозяйств на хроническую и временную остроту бедности.

Расчеты на данных панельного обследования населения Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения РМЭЗ НИУ ВШЭ свидетельствуют о существенной мобильности респондентов по доходам. От года к году в период с 2010 г. по 2018 г. между состояниями «бедность» и «небедность» перемещались от 13% до 18% респондентов. При этом почти половина респондентов хотя бы один год из девяти находились в состоянии бедности. Определив хроническую бедность на основе подхода Евростата, модифицированного к российским условиям, мы получили, что 6% респондентов были хронически бедными в 2010-2018 гг.

Изучение влияния различных факторов на вероятность хронической бедности, показало, что риски хронической бедности выше среди лиц, проживающих в многодетных или неполных семьях, в семьях, имеющих в своем составе безработных, а также лиц, часто употребляющих алкоголь, в семьях, проживающих в сельской местности (таблица 1). При этом

снижают вероятность хронической бедности высокая доля работающих лиц среди взрослых членов семьи, высокая доля лиц с высшим образованием, наличие и рост числа лиц старше трудоспособного возраста, а также наличие членов семьи, пытавшихся когда-либо открыть свое собственное дело. Взросление детей также снижает вероятность хронической бедности. Из состояния хронической бедности, при прочих равных, крайне бедным семьям выбраться сложнее.

Таблица 1. Результаты моделирования зависимости вероятности хронической бедности от различных факторов

	Модель 1	Модель 2
Д/х с 1 ребенком	0,47***	0,46***
Д/х с 2 детьми	0,62***	0,65***
Д/х с 3 и более детьми	1,04***	1,09***
Д/х с лицами пенсионного возраста	-0,48***	
Доля работающих в д/х	-1,09***	
Доля неработающих взрослых в д/х		0,24***
Доля работающих на малом предприятии	0,49***	
Глава д/х - женщина	0,15***	0,14***
Крайне бедное д/х	0,60***	
Опыт открытия собственного дела	-0,20**	-0,18***
Доля лиц с высшим образ. в д/х		-1,09***
Д/х без лиц с высшим образ.	0,46***	
Доля часто употребляющих алкоголь в д/х		0,23**
Сельская местность	0,24**	
ЦФО	0,24***	0,19***
СЗФО	-0,63**	-0,33*
ПФО	0,21**	0,09
УФО	0,35***	0,35***
СФО	0,53***	0,44***
ДФО	0,88***	0,79***
Уменьшение численности детей	-0,15**	-0,15***
Увеличение численности детей	0,48***	0,36***
Увеличение лиц пенсионного возраста	-0,44***	-0,28***
Уменьшение лиц пенсионного возраста	0,30***	
Увеличение безработных	0,15***	0,12***
Константа	-1,77***	-0,89***

Примечание: *** $p < 0,01$, ** $p < 0,05$, * $p < 0,1$

Источник: Расчеты авторов на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ

Эконометрический анализ проводился с учетом эффекта «обсыпания выборки» панельного исследования, что позволило получить более корректные оценки факторов и учесть бывшие из наблюдения домашние хозяйства. При оценке влияния факторов на вероятность

того, что индивид попадет в категорию хронически бедных, применялась модель Хекмана со смещением самоотбора, которая в случае бинарной зависимой переменной реализована в Stata в виде пробит-модели. Для моделирования влияния различных факторов на временную и хроническую остроту использовалась двухшаговая процедура Хекмана, которая подходит для моделей с цензурированными данными и со смещением самоотбора.

Факторы, влияющие на остроту хронической бедности, во многом схожи с факторами, влияющими на вероятность хронической бедности (таблица 2). Если провести декомпозицию остроты хронической бедности на постоянную и временную составляющие, то обнаруживаются факторы, которые по-разному влияют на эти две компоненты. Так, взросление детей значительно сокращает хроническую, но не временную остроту бедности. Ощущение полной бесправности повышает хроническую остроту бедности, и не влияет на временную ее компоненту. Сокращение числа лиц старше трудоспособного возраста в домохозяйстве повышает временную остроту бедности, при этом не оказывает значимого влияния на хроническую остроту бедности.

Таблица 2. Результаты моделирования зависимости хронической и временной остроты бедности от различных факторов

	Модель 3		Модель 4	
	Хроническая острота бедности	Временная острота бедности	Хроническая острота бедности	Временная острота бедности
Д/х с 1 ребенком	0,006***	0,003***	0,002*	0,000
Д/х с 2 детьми	0,013***	0,012***	0,007***	0,006***
Д/х с 3 и более детьми	0,047***	0,024***	0,032***	0,009***
Доля работающих в д/х			-0,008***	-0,011***
Д/х с безработными	0,010***	0,014***	0,003**	0,006***
Д/х с лицами пенсионного возраста	-0,006***	-0,010***	-0,006***	-0,010***
Глава д/х - женщина	0,006***	0,005***	0,004***	0,003***
Доля лиц с высшим образ. в д/х	-0,005***	-0,008***		
Доля часто употребляющих алкоголь в д/х	0,008***	0,006***		
Опыт открытия собственного дела	-0,007***	-0,003***	-0,004***	0,000
Ощущение себя бесправным	0,006***	-0,001	0,007***	0,000
Крайне бедное д/х			0,065***	0,062***
Областной центр	-0,006***	-0,004***		
Сельская местность	0,016***	0,006***	0,009***	0,001

ЦФО	0,000	-0,009***	0,006***	-0,003**
СЗФО	-0,013***	-0,012***	0,000	0,000
ПФО	0,004**	-0,008***	0,007***	-0,005***
УФО	0,000	-0,005*	0,009***	0,004
СФО	0,005**	-0,002	0,011***	0,003**
ДФО	0,017***	0,014***	0,020***	0,016***
Рост числа детей	0,009***	0,003***	0,009***	0,003***
Снижение числа детей	-0,004***	-0,001	-0,002*	0,001
Рост числа лиц пенсионного возраста	-0,006***	-0,005***	-0,005***	-0,004***
Снижение числа лиц пенси- онного возраста	0,000	0,002*	0,001	0,002**
Рост числа безработных	0,004***	0,010***	0,002**	0,009***
Константа	-0,034***	0,014	-0,007	0,037***

Примечание: *** $p < 0,01$, ** $p < 0,05$, * $p < 0,1$

Источник: Расчеты авторов на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ

Проведенный анализ позволил сформулировать некоторые рекомендации по снижению хронической бедности. В частности, снижению рисков хронической бедности могло бы способствовать расширение программы государственной социальной помощи на основании социального контракта для лиц, находящихся в глубокой хронической бедности и имеющих множественные лишения, при условии увеличения периода социального сопровождения указанных лиц и объемов предоставляемой им помощи.

Список литературы

- Спрысков Д. С. (2000). Длительная бедность в России. Препринт № BSP/2000/037. М.: РЭШ.
- Такэда Ю. (2005). Временная или хроническая бедность в России? // XX век и сельская Россия. CIRJE Research Report Series, Vol. CIRJE-R-2. Токио. С. 364–391.
- Denisova I. (2007). Entry to and exit from poverty in Russia: Evidence from longitudinal data. *Working Papers*, No. w0098. Moscow: Center for Economic and Financial Research.
- Mills B. F., Mykerezzi E. (2009). Chronic and transient poverty in the Russian Federation. *Post-Communist Economies*, Vol. 21, No. 3, pp. 283–306.

Старение и трансформация приоритетов социальной политики

Старение населения актуализирует несколько важных подпроблем. Это глобальность процесса старения, тревога по поводу «угроз/рисков старения», кризис адаптации социальных институтов и приоритетов социальной политики в стареющем обществе и возможные направления новой социальной политики.

1. Старение включает несколько глобальных процессов:

- изменение возрастной структуры населения в целом, характерное не только для развитых, но и для развивающихся стран;
- выраженное в разной степени снижение рождаемости;
- повышения средней продолжительности жизни благодаря снижению младенческой и детской смертности в менее развитых странах;
- удлинение периода дожития, здоровое старение в развитых странах;
- быстрое обновление технологий, особенно информационных, влекущее квалификационное отставание стареющего населения от молодых

Активное участие в дискуссии о судьбе «стареющего общества» принимают средства массовой информации (СМИ), поскольку в современном мире СМИ становятся посредником между объективной реальностью и ее восприятием. Именно так возник сюжет с «кризисом старения» примерно 20 лет назад, Озабоченность международных финансовых институтов (Котликофф и Бернс, 2005) поддержали медицина и другие институциональные системы, связанные с поддержкой пожилых. С нашей же точки зрения, это кризис, но глобальный системный кризис адаптации социальных институтов к новой возрастной структуре общества.

2. Понимание этого особенно актуально для России, где относительно молодое, по сравнению с развитыми странами, население. Причины:

- снизившаяся младенческая и детская смертность в 1992 – 2018 г.г. (например, с 2000 по 2018 г.г. младенческая смертность снизилась ровно втрое, с 15,3 на тысячу родившихся живыми до 5,1) (Детская и младенческая смертность, 2020).
- высокая неестественная смертность мужчин в трудоспособных возрастах;
- короткий период дожития у мужчин и существенно более длинный – разница около 12-13 лет, у женщин;
- гендерный дисбаланс занятости и пенсионной системы из-за разницы в пенсионном возрасте между мужчинами и женщинами в 5 лет и более длительном периоде дожития у женщин;
- значительный и растущий серый рынок труда/неформальная занятость/неформальная зарплата. Пенсия является трудовой только номинально.

3. Давно наблюдается чрезмерная озабоченность политиков демографическим старением и неадекватные меры социальной политики. А именно:

- акцент на развитии «системы длительного ухода», а не на увеличение продолжительности здоровой жизни в старших возрастах, слабое развитие реабилитационной медицины;
- непонимание того, что демографическое старение будет продолжаться, если смертность в старших возрастах «отодвинется», это «две стороны одной медали»
- повышение рождаемости требует адекватных вложений в образование детей и молодежи, иначе они не смогут вписаться в современный рынок труда и станут проблемой, а не решением проблемы.

Современное, институционально оформленное здравоохранение и в России, и за рубежом, заинтересовано в спросе пожилых на его услуги, поэтому часто поддерживает взгляд о неизбежности угасания в процессе старения. Технологии медицинского и социального обслуживания пожилых накопили инерцию восприятия пожилых как пассивных «объектов помощи». Но специфика здоровья пожилых, возможности и причины отодвигания старения изучены недостаточно, хотя очевидно, что скорость и время наступления старения в разных культурах разные (Rosa, 2018).

4. Социальная политика, ориентированная на продление возможностей образования - life long education - для пожилых и сохранения их занятости в модернизирующемся обществе пока не заняла соответствующего места, оказалась менее приоритетной задачей, чем развитие систем ухода. Но даже формальное сравнение количества работающих пожилых и тех, кто нуждается в длительном уходе, говорит в пользу того, что поддержка продления занятости очень важна. Сегодня изменяются представления о преимуществах разных моделей жиз-

ни в старших возрастах и продолжения занятости за счет неполных, гибких, дистанционных форм, самозанятости, требующих, как минимум, владения информационными технологиями.

5. Предполагается, что разные варианты социального опыта жизни существенно влияют на характер старения, но этот аспект старения еще изучен мало. Зато присутствует избыточная нормативность в интерпретации демографических данных о старении. Если произойдет переход от демографической пирамиды к столбообразной структуре, где убыль населения примерно до 100 лет минимально выражена, это и будет «общество для всех возрастов», т.е. минимальные потери людей во всех возрастах.

Подчеркнем, что существующие социальные институты и правила, регулирующие жизненный цикл человека и границы /переходы, становятся все менее важны, но за них цепляются уязвимые группы населения. В работах известных геронтологов В.Н. Анисимова и Г.М. Жаринова собран статистический материал, что высокий интеллект и творческие занятия прямо коррелируют с высокой продолжительностью жизни и долголетием (Анисимов и Жаринов, 2013). Если так, то «пенсионный возраст» лучше вообще отменить и подумать над новыми подходами к параметрам пенсионной системы. Ведь для многих продление взрослости ценностно предпочтительнее наступления старости. А неудачная СМИ-подготовка повышения пенсионного возраста не может быть помехой для этого.

6. Возможно, в России к плохому здоровью и преждевременной смертности приводят «короткая жизненная перспектива», слабый самоконтроль и нехватка личностных резервов (Klabbers et al, 2014]. Убежденность человека в своей способности контролировать жизнь благоприятно сказывается на показателях физического здоровья, ведет к снижению рисков смертности (Stamatakis et al, 2004). Люди старших возрастов с более высоким чувством контроля характеризуются более медленными темпами снижения способности к самообслуживанию в повседневной жизни [Kempen et al, 2006).

7. В настоящее время продолжение пассивной социальной политики лечения и ухода в отношении пожилых бесперспективно. Это порождает жизнь в двух параллельных мирах: мире активных, работающих и квалифицированных пожилых, фактически – нестареющих взрослых или зрелых людей, и мире больных, смилившихся с неизбежностью потерь, требующих постоянной помощи, на чьих нуждах играет СМИ. В мире новых пожилых нужны профилактика и восстановление здоровья; регулярное переобучение или повышение квалификации для как можно более длительной занятости и отмена верхней границы возраста трудоспособности. Все это возможно реализовать при информационной поддержке СМИ.

Формулирование перспективных целей для стареющего общества является сегодня важнейшей задачей обновления социальной политики, поскольку отсутствие задач на микро- и микро-уровнях приводит к тому, что молодые, не имея жизненной перспективы, тоже проигрывают.

Список литературы

Анисимов В.Н. и Г.М. Жаринов. (2013) Продолжительность жизни и долгожительство у представителей творческих профессий // Успехи геронтологии. 26(3), 405-416.

Детская и младенческая смертность. Статистика смертности по данным Росстат. <https://rosinfostat.ru/smertnost/#i-2>. Доступ 27.11.2020.

Котликофф Л., Бернс С. (2005) Пенсионная система перед бурей: то, что нужно знать каждому о финансовом будущем своей страны. М.: Альпина Бизнес Букс. 278 с.

Klabbers G., Bosma H., Kempen G.I., Benzeval M., Van den Akker M., van Eijk J.T. (2014) Do psychosocial profiles predict self-rated health, morbidity and mortality in late middle-aged and older people? // Journal of Behavioral Medicine. 37(3), 357-368.

Kempen G.I., Ranchor A.V., van Sonderen E., van Jaarsveld C.H., Sanderman R. Risk and protective factors of different functional trajectories in older persons: are these the same? // The Journals of gerontology. Series B, Psychological Sciences and Social Sciences. 2006. 61(2), 95-101.

Rosa H. (2018) Social Acceleration: A New Theory of Modernity. New York: Columbia University Press. – 512 p.

Stamatakis K.A., Lynch J., Everson S.A., et al. (2004) Self-esteem and Mortality: Prospective Evidence from a Population-based Study // Annals of Epidemiology. 14(1), 58-65.

МАЛАНИНА В.А., Томский политехнический университет, Томск
ФРОЛОВА Е.А., Томский государственный университет, Томск

Бедность среди пожилых людей в России: потенциальные предикторы

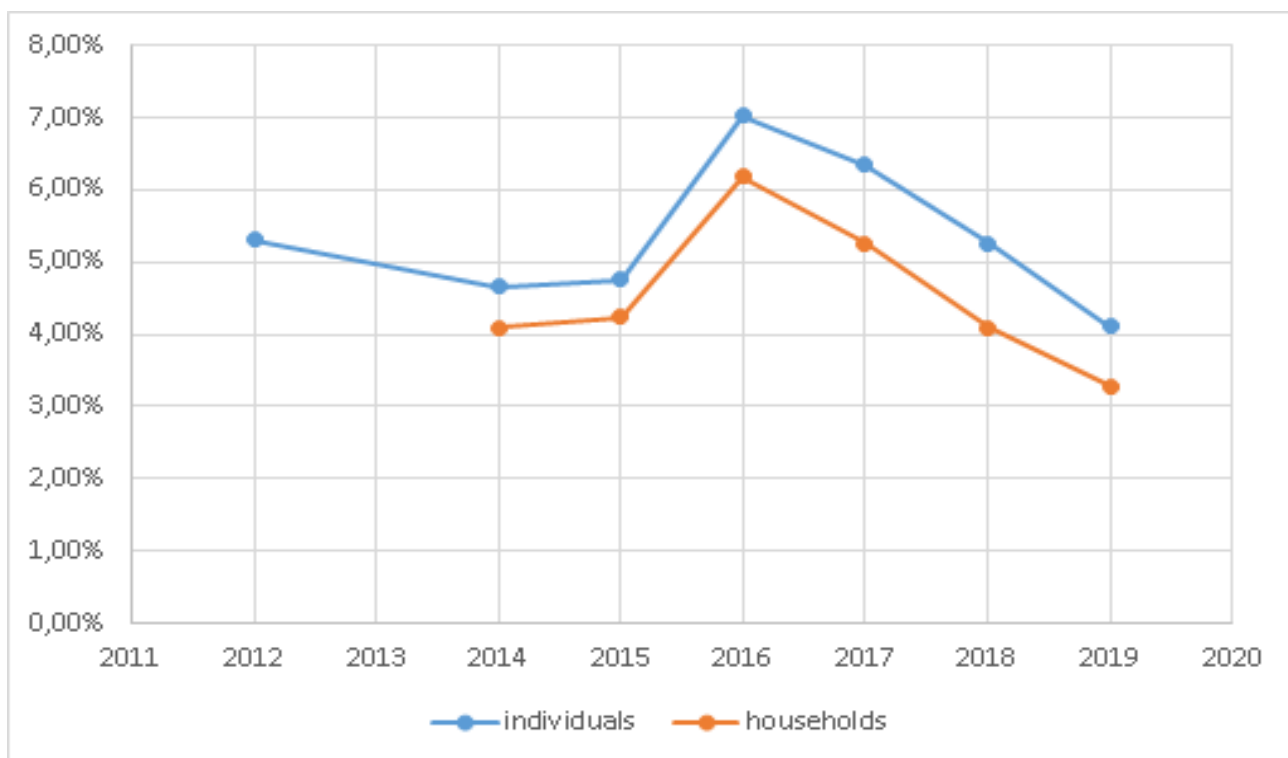
Борьба с бедностью является актуальной проблемой для международного сообщества и национальных государств. Общепризнанным является прогресс в сокращении крайней бедности (extreme poverty) и относительной бедности в развитых странах. Масштабы бедности сокращаются в странах, готовых инвестировать во всеобщее образование, иммунизацию населения, доступность медицинских услуг, особенно на ранних этапах жизненной траектории. Семьи с детьми и молодежь 16-24 лет являются наиболее бедными социальными группами. Со временем отдача от образования и здоровья позволит индивиду улучшить финансовое положение и к старости сформировать активы, которые позволят компенсировать отсутствие текущего дохода.

Феномен бедности среди пожилых людей имеет свою специфику. Нехватка ресурсов в старших возрастах является следствием неблагоприятных событий и решений, принятых индивидом в течение жизни (life course theory). Бедность среди пожилых возникает, когда превентивные меры не срабатывают или оказываются недостаточными. Концепция образования в течение жизни находит практическое применение в отношении граждан старших возрастов, являясь одним из индикаторов процесса активного долголетия. Однако, новые навыки чаще получают пожилыми людьми не с целью повышения своей конкурентоспособности на рынке труда, а для “себя”, для повышения качества жизни. Занятость для пожилых не может носить вынужденный характер и рассматриваться как обязательное условие преодоления бедности.

Базовыми институтами профилактики бедности среди пожилых становятся пенсионные системы и системы медицинской помощи, имеющие всеобщий, неисключающий характер. В России они внедрены давно, и обеспечивают пожилым людям базовый объем медицинской помощи по ОМС и минимальные пенсионные выплаты, даже при отсутствии трудового стажа. Однако, неустойчивость дизайна пенсионной системы в последние три десятилетия не позволила дифференцировать размеры пенсий в зависимости от стажа работы и заработной платы; а пенсии, существенно превышающие прожиточный минимум пенсионера, получают только работавшие на севере и пенсионеры силовых структур.

Абсолютной бедности среди пожилых людей в России формально существовать не должно в связи с обязательными доплатами до прожиточного регионального минимума, если назначенные пенсионные выплаты ниже последнего. Однако, социологические обследования даже по абсолютным показателям выявляют малоимущих среди лиц старших возрастов (Рис.1).

Рис. 1. Уровень бедности среди пожилых людей и домохозяйств, главами которых являются пожилые люди

ВНДН, 2012-2019

Данные КОУЖ по доле малоимущих среди пожилых дают 11% в 2016 и 7,21% в 2018 годах. Среди малоимущих преобладают женщины (более 60%), малоимущих среди деревенских жителей больше, чем среди горожан (45% против 32%). Невысокий уровень бедности по доходам объясняется неадекватностью прожиточного минимума и возможностью региональных властей определять низкий официальный прожиточный минимум. Для немалоимущего и малоимущего населения наличие работы не является определяющим, примерно половина тех и других имеют работу, разница в доходах формируется исходя из “качества” работы и разного уровня квалификации. По источникам пассивных доходов в виде пенсий и сда-

чи имущества в аренду обе группы идентичны, но малоимущие почти в 3 раза чаще отмечают плохое состояние жилья.

Бедность как недостаток дохода может быть измерена относительно через “отсутствие риска бедности” (no poverty risk), рассчитываемый как доля пожилых людей с уровнем доходов не ниже с 60% от медианного национального дохода. Согласно КОУЖ, в 2018 г. доля пожилых людей старше 55 лет, имевших доходы ниже данного уровня, составила чуть более 6%; однако среди пожилых граждан старше 65 лет (международная методика оценки с учетом более высоких пенсионных возрастов) доля возрастает до 17,5%. Для старших возрастов по мере ухудшения здоровья и более вероятного прекращения трудовой деятельности риски возрастают. Ниже представлены региональные показатели абсолютной (доля малоимущих граждан среди пожилых) и относительной (доля пожилых с доходами ниже 60% национальной медианы) бедности.

Табл. 1. Абсолютная и относительная бедность по макрорегионам

Федеральный округ	абсолютная бедность	относительная бедность
Северо-Кавказский ФО	16,02%	14,13%
Дальневосточный ФО	10,91%	5,13%
Сибирский ФО	10,84%	7,82%
Уральский ФО	8,65%	4,93%
Приволжский ФО	8,33%	8,30%
Южный ФО	7,88%	5,67%
Юго-Западный ФО	7,80%	3,27%
Центральный ФО	4,57%	3,42%

КОУЖ, 2018

Иногда наблюдается существенная разница между абсолютными и относительными показателями. Несмотря на методологические недостатки абсолютных показателей и возможности регионов замораживать прожиточный минимум, относительные показатели часто дают более оптимистичную картину. Показатель абсолютной бедности, привязанный к региональному прожиточному минимуму, дает более точную оценку, чем относительный показатель, привязанный к национальной медиане. Абсолютный показатель характеризует уровень дохода локально, в конкретном региональном контексте, относительный показатель для России занижает число бедных среди пожилых и нивелирует значимость проблемы.

Субъективную бедность (по расходам) можно оценить через достаточность дохода для покрытия необходимых расходов - степени депривации. В КОУЖ вопрос задается домо-

хозяйствам: “Принимая во внимание доходы всех членов домохозяйства, получается ли у Вашего домохозяйства “свести концы с концами”?” В КОУЖ-2018 и ВНДН-2012-2016, 2018-2019 отсутствуют ответы респондентов на вопрос о возможности “свести концы с концами” и сумме, позволяющей оплатить необходимые расходы. Затруднения и большие затруднения испытывают в РФ около 52% пожилых - как монетарно бедных, так нет.

Оценки бедности по доходам и расходам необязательно должны совпадать, даже если прожиточный минимум будет близок к относительной черте бедности. Обстоятельства могут требовать высоких расходов на лечение, ремонт, реабилитацию, что и при абсолютных доходах выше ПМ ведет к разрыву между монетарной и субъективной бедностью. Субъективная бедность более точно оценивает степень достаточности доходов с учетом жизненной ситуации в домохозяйстве.

Табл. 2. Корреляции дохода и социально-экономических параметров для пожилых людей

	Коэффициент корреляции	легко сводят концы с концами	проживание в сельской местности	женщины	желаемый доход	наличие дополнительной квартиры	статус малоимущего	количество членов домохозяйства
доход	Ро Спирмена	,341**	-,172**	-,274**	,623**	,253**	-,102**	,618**
	Знач. N	0,000 67437	0,000 67437	0,000 67437	0,000 67437	0,000 65605	0,000 67437	0,000 67437

ВНДН, 2017

Результаты исследования выявили различия в оценках бедности по доходам и по расходам среди российских пожилых людей составляют 8-10 раз. Выявлена положительная корреляция между доходом пожилых и количеством членов семьи, что ставит под вопрос идею о необходимости большей автономии пожилых людей с позиции преодоления бедности. Совместное проживание с супругом, детьми оказывается значимым для сокращения монетарной бедности в старших возрастах. В трудоспособном возрасте количество иждивенцев увеличивает риск бедности, но пожилые люди часто сами переходят в роль иждивенцев-бенефициаров. Для текущего поколения пожилых личностные стратегии оказываются эффективнее институциональных.

Благодарность: *Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00282)*

Список литературы:

- Комплексное наблюдение условий жизни населения. (КОУЖ-2018)
http://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ18/index.html
- Неравенство и бедность / Федеральная служба государственной статистики
<https://www.gks.ru/folder/13723>
- Выборочное наблюдение доходов населения (ВНДН-2017)
https://www.gks.ru/free_doc/new_site/vndn-2017/index.html
- Бедность и неравенства в современной России: 10 лет спустя. Аналитический доклад, 2013 https://www.isras.ru/files/File/Doklad/Analit_doc_Bednost/full.pdf

**Бедность российских профессионалов:
распространенность, причины, тенденции**

Профессионалы традиционно рассматриваются как относительно благополучная профессиональная группа и основа среднего класса в любом современном обществе. Это обусловлено тем, что они являются обладателями очень важного для современной экономики вида активов – качественного человеческого капитала. Однако в России со второй половины 2000-х гг. фиксируется как рост безработицы среди лиц с высшим образованием, так и снижение монетарных отдач на него у работающих на предполагающих этот образовательный уровень рабочих местах. Растущие риски безработицы, нестабильной занятости и относительного снижения оплаты труда российских профессионалов в будущем могут совместиться с последствиями процессов расслоения и поляризации данной группы, прекаризации ее представителей под влиянием ускоряющихся во всем мире технологических изменений. И хотя типичная для 1990-х годов проблема массовой бедности российских профессионалов к середине 2000-х, казалось бы, прочно ушла из повестки дня, на самом деле она лишь на время перешла в «тлеющее» состояние и в ближайшее время может вновь обостриться.

Под профессионалами в своем исследовании мы понимали тех работников, которые в соответствии с Международным классификатором занятий (ISCO-08) относятся ко второму профессиональному классу. Для выделения группы бедных нами была выбрана методика, приближенная к используемой ФСГС РФ и заключающаяся в соотношении совокупного дохода домохозяйства с его прожиточным минимумом, рассчитанным на основе региональных нормативов с учетом индивидуального состава семьи, т.е. количества детей, пенсионеров и людей трудоспособного возраста в ней. Дополнительно мы анализировали малообеспеченность как еще одну разновидность социального неблагополучия. Под малообеспеченными мы понимали небедных россиян, чьи доходы в домохозяйстве не превышали полутора прожиточных минимумов домохозяйства. Эмпирической базой исследования выступили репрезентативные версии 9, 20 и 27 волн РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2000, 2011 и 2018 гг., а также данные ФСГС РФ.

¹ Наталья Евгеньевна Тихонова – д.с.н., профессор-исследователь, главный научный сотрудник, НИУ «Высшая школа экономики»; главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН. E-mail: ntihonova@hse.ru

Екатерина Дмитриевна Слободенюк – к.с.н., доцент, научный сотрудник, НИУ «Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН. E-mail: eslobodenyuk@hse.ru

Как показал проведенный анализ, бедность и малообеспеченность распространены среди российских профессионалов довольно широко (6% и 15% от их числа по состоянию на 2018 г., соответственно). В сравнении с 2000 г., когда за «чертой бедности» находилось больше половины представителей данной группы, такая ситуация выглядит намного более благополучной, однако улучшения эти произошли в основном еще до начала кризиса 2008-2009 гг.

Ключевой причиной бедности и малообеспеченности профессионалов является сейчас в России в целом низкая оплата высококвалифицированного нефизического труда. Стоимость инвестиций для формирования качественного человеческого капитала в его классической трактовке (Г. Беккер) при определении их зарплат обычно недоучитывается, а цену на труд профессионалов обычно определяет соотношение спроса и предложения на конкретных сегментах локальных рынков труда. При этом дисбаланс между числом рабочих мест, предполагающих высшее образование, и численностью имеющих его работников с каждым годом усиливается, что оказывает понижающее действие на зарплаты профессионалов.

Общую недооценку высококвалифицированного нефизического труда в российской экономике усугубляют неравенства оплаты труда – региональные, поселенческие, меж- и внутриотраслевые, в разных секторах экономики, на предприятиях различного размера. Ключевую роль среди них играют поселенческие неравенства, «стягивающие» на себя в силу специфики их экономик все остальные их виды. Благополучные профессионалы в массе своей сосредоточены в крупных городах, бедные – в малых поселениях, прежде всего сельских, и такая их поселенческая локализация в течение последних 20 лет усиливается.

К этим причинам их бедности добавляются специфика человеческого капитала профессионалов из разных типов поселений, также влияющая на размер их зарплат, и иждивенческая нагрузка в их домохозяйствах, окончательно определяющая уровень их среднедушевых доходов. Роль этих причин бедности профессионалов в последние годы выросла, и основное значение среди них имеет нагрузка несовершеннолетними детьми. При этом бедность у них в большей степени связана с позициями на рынке труда, обусловленными спецификой их человеческого капитала, в то время как для малообеспеченности относительно важнее факторы социально-демографического характера.

Способов изменить положение за счет собственных усилий у профессионалов немного. Во-первых, это отказ от рождения детей – способ пока не слишком популярный, хотя и встречающийся. Во-вторых, это возможность наращивать качество своего человеческого ка-

питала – способ малоперспективный, так как во всех типах поселений большинство профессионалов с качественным человеческим капиталом имеют зарплаты, не способные обеспечить без высоких рисков бедности и малообеспеченности даже простое демографическое воспроизводство. В-третьих, это переезд в другой тип поселений – способ, теряющий с годами свою популярность в силу снижения рента от такого переезда. В-четвертых, это вторичная занятость – способ, доступный преимущественно наиболее квалифицированным профессионалам. Его распространенность за последние 20 лет сократилась, а смысл изменился. В 2011 г. он позволяла профессионалам улучшить свое материальное положение по отношению к группе в целом, в то время как в 2018 г. – лишь сохранить соответствующий ей профиль доходного распределения. Наконец, в-пятых, это смена места работы в рамках нынешнего места жительства. Сейчас эта мера является для профессионалов, однако, скорее способом сохранения занятости, чем улучшения ее качества.

Сложившееся положение чревато серьезными последствиями для российского общества в целом и требует от него активных действий. Высокие и растущие со временем риски бедности при наличии двух детей чреваты проблемами с воспроизводством высококачественной рабочей силы в масштабах страны и являются серьезным препятствием для формирования российского среднего класса. Слабая связь качества человеческого капитала и уровня заработной платы демотивирует профессионалов в наращивании своих знаний и навыков. Большое количество и важная роль для оплаты их труда факторов, связанных со структурой экономики в определенной локации, принижают роль их собственных усилий для повышения своего благосостояния. Все это требует активизации государственной социально-экономической политики в отношении этой, казалось бы, относительно благополучной на общем фоне населения страны группы.

Развитие инструментов оценки нуждаемости в долговременном уходе в странах мира

Россия, как и другие развитые страны мира, сталкивается с ростом доли и численности населения старше трудоспособного возраста. Старение населения определяет рост спроса на услуги долговременного ухода. С 2018 года в стране реализуется пилотный проект по созданию системы долговременного ухода (СДУ), призванный обеспечить население России комплексными услугами, компенсирующими потерю функциональных возможностей в старшем возрасте и замедляющий этот естественный процесс. Создание СДУ требует перестройку существующей в России системы социального обслуживания, не отвечающей всем потребностям населения старшего возраста.

Одним из ключевых блоков СДУ является процедура оценки нуждаемости в обслуживании – условия, определяющие вход в систему и объем гарантий, на которые вправе рассчитывать индивид: характеристики услуг и/или выплат, а также условия их получения и, как следствие, доступность долговременного ухода для разных групп населения. Существующее законодательство по социальному обслуживанию (Федеральный закон...) определяет характеристики получателей услуг в самом общем виде (инвалиды и лица старшего возраста), не позволяет стратифицировать потенциальных клиентов по объемам услуг, в которых они нуждаются и, следовательно, и не дает возможности провести соответствие между характеристиками клиента и объемом ресурсов, которые должны быть затрачены на его обслуживание. По заявлению Голубевой и Даниловой (2009), «определение нуждаемости пожилых [в социальном обслуживании] исходит из того, что социальный сервис может предложить» (с. 24), а не из реальных потребностей клиента. В последние годы отдельные субъекты РФ (например, Белгородская, Нижегородская и Самарская области) вне пилотного проекта приняли методики по оценке нуждаемости в социальном обслуживании на основе функционального статуса клиента. Однако в большинстве регионов такая задача не ставилась.

Поскольку на международном уровне какой-либо единый стандарт оценки нуждаемости в долговременном уходе отсутствует, целью данной работы стал анализ опыта стран мира по созданию и реформированию оценки нуждаемости в долговременном уходе. Среди задач исследования: (1) анализ состава индикаторов, определяющих степень нуждаемости в долговременном уходе и условия получения услуг, (2) выявление вызовов и параметров системы долговременного ухода за пределами оценки нуждаемости, определяющих выбор тех

или иных индикаторов. Анализ был проведен на материалах о национальных системах долговременного ухода стран мира, представленных в публикациях в международных рецензируемых научных журналах, а также докладах, размещенных в открытом доступе в сети Интернет.

Новизна исследования состоит в том, что в его ходе были детально проанализированы отдельные параметры процедуры оценки нуждаемости в долговременном уходе: используемые индикаторы функционального статуса, социального положения и вклада родственников в уход. В известных нам других работах российских исследователей о проблемах организации системы долговременного ухода вопросы оценки нуждаемости не являются центральными и поэтому их детальное рассмотрение становится невозможным. Голубева и Данилова (2009), в общем виде описывая процесс оценки нуждаемости в долговременном уходе в развитых странах, не давая каких-либо оценок его отдельным процедурам, подчеркивают важность проведения всесторонней оценки потребностей индивида. По их мнению, выявление задает «максимум» услуг, которые ему могут быть оказаны, а неполное их выявление ведет к неполному удовлетворению потребностей в уходе. В статье Грициной и Цацур (2019) среди актуальных проблем существующей системы социального обслуживания упоминается отсутствие единой национальной методики оценки нуждаемости. Рассматривая финансовые модели долговременного ухода, Шестакова (2015) касается проблемы нуждаемости по доходу в данных услугах.

Проведенный нами анализ показал, что на протяжении второй половины XX века – в начале XXI века происходило усложнение шкал и методик оценки нуждаемости в уходе. Если шкалы первого поколения учитывают наличие затруднений с выполнением простейших задач, связанных с физиологическими потребностями, то шкалы второго поколения учитывают наличие проблем более широкого спектра, включая когнитивные и психологические нарушения, а также позволяют оценить нуждаемость в привязке к качеству жизни пожилого человека. Третье поколение шкал появилось в ответ на приобретающую все большую актуальность в социальной сфере задачу по интеграции ведомств и служб. Для этого периода характерен поиск универсальных систем показателей, которые могли бы использоваться для оценки состояния здоровья населения всех возрастов специалистами разных профилей для решения различных задач. Как отмечают эксперты, такие методики позволяют снизить нагрузку на граждан, создаваемую необходимостью проходить тесты и обследования, однако порождают целый ряд вызовов для систем, на которые развитым странам пока не удалось

дать адекватный ответ. Среди этих вызовов сопротивление профессиональных сообществ и возрастающая стоимость процесса оценивания.

Обзоры систем долговременного ухода стран свидетельствуют о том, что развитие национальных методик оценки нуждаемости происходит в соответствии со сменой поколения шкал. Кроме того, при развитии методик национальные системы сталкиваются со следующими дилеммами с неочевидным выбором:

- наиболее полный учет нужд заявителя и сопутствующее усложнение методики *ИЛИ* прозрачность процедуры оценивания для клиентов системы;
- адресное предоставление услуг по уходу *ИЛИ* сдерживание затрат на социальную поддержку;
- стимулирование неформального ухода *ИЛИ* развитие формальных услуг по уходу;
- использование локальных *ИЛИ* национальных методик оценки нуждаемости;
- низкий *ИЛИ* высокий порог на вход в систему (профилактика нуждаемости *ИЛИ* сдерживание роста затрат)

Российскую методику оценки нуждаемости в долговременном уходе следует выстраивать с описанными выше тенденциями по изменению содержания и функций методик, а также по итогам ответов на вопросы-дилеммы.

Источники

Голубева Е.Ю., Данилова Р.И. (2009). Оценка потребности в уходе/обслуживании как ключевая составляющая в планировании услуг для лиц пожилого возраста // Клиническая геронтология, № 12, 23-27.

Гришина Е.Е., Цацура Е.А. (2019). Социальное обслуживание пожилых: что происходит и возможно ли развитие? // Власть, №3, 145-154.

Федеральный закон «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» от 28.12.2013. N 442-ФЗ.

Шестакова Е.Е. (2005). Организация и финансирование долговременного ухода за престарелыми: опыт стран ОЭСР // Управление здравоохранением, т. 45, № 3, 109-122.

Факторы субъективного благополучия старшего поколения в России

В течение последних десятилетий субъективное благополучие людей является предметом многочисленных исследований: разрабатываются теоретические модели и эмпирические измерения, описываются и сравниваются уровни благополучия различных групп населения и предлагаются меры по его повышению.

Обзор работ последних лет, обобщающий результаты предшествующих исследований по теме субъективного благополучия старшего поколения (Elosua 2014; Fernández-Ballesteros 2011; George 2010; Kolosnitsyna et al. 2017; Noll 2007; Ulloa et al. 2013) показал, что факторы субъективного благополучия в пожилом возрасте очень разнообразны. В число основных факторов входят социально-демографические характеристики (возраст, пол, семейное положение, место жительства), человеческий капитал (здравоохранение, образование), экономическая и социальная активность, макроэкономические характеристики (политический режим, экономический рост, экология).

Данное исследование посвящено изучению субъективного благополучия старшего поколения в России. Мы предполагаем, что для людей старшего возраста оно не ограничивается финансовым положением, так как по субъективным оценкам пожилые россияне чаще сталкиваются с финансовыми проблемами (Мареева 2018; Слободенюк 2019), в то время как общая удовлетворенность жизнью возрастает (Вестник Российского мониторинга 2018).

Представленные в рамках настоящего исследования результаты получены при анализе данных фокус-групп с женщинами и мужчинами предпенсионных и пенсионных возрастов на тему: «Тестирование мер государственной политики. Пенсии, активное долголетие». Фокус-групповые дискуссии (ФГД) были проведены в 4 городах – Москве, Нижнем Новгороде, Краснодаре, Ярославле (в совокупности - 15 фокус-групп по 6 человек в каждой).

Результаты исследования показали, что **здоровье**, в том числе **ментальное**, является неотъемлемым элементом благополучной старости: *«Прежде всего – здоровье, позитив»*. (мужчина, 46-55, Краснодар). Доступность качественных медицинских услуг расценивается как необходимое условие для поддержания хорошего здоровья в старшем возрасте.

Для участников фокус-групп благополучная старость неразрывно связано с активным образом жизни. Старшее поколение осознает, что **физическая активность** является ключе-

вым фактором хорошего здоровья и основным источником долголетия. *«Все равно буду фитнесом заниматься, пока буду ползать, буду заниматься»* (женщина, пенсионер, Москва). *«Движение – это жизнь. Буду стараться двигаться: чем больше, тем лучше»* (мужчина, 46-55, Ярославль). Положительные примеры активных друзей и родственников мотивация для старшего поколения к занятию спортом и поддержанию себя в хорошей физической форме: *«Муж у меня спортивный, не дает расслабиться»* (женщина, 46-55 лет, Нижний Новгород).

Трудовую активность граждане старшего поколения также рассматривают как важную часть своей благополучной жизни в пенсионном возрасте. Намерение продолжать работать после выхода на пенсию часто объясняется необходимостью поддерживать привычный образ жизни (связь между их занятостью и благосостоянием) и отмечается наличием эмоциональной привязанности к работе. Доход не является единственной причиной для продолжения профессиональной деятельности. Работа позволяет им быть в хорошей форме, так как они могут общаться с людьми и совершенствовать свои навыки. *«Когда работаешь – живешь, на работе интереснее»* (женщина, пенсионерка, Нижний Новгород). *«Я бы и в старости занимался работой, работа – это интересно»* (мужчина, 46-55 лет, Краснодар).

Аудитория ждет, что пенсия должна быть бессрочным комфортным «отпуском», жизнь пенсионера должна быть даже более комфортной, чем до выхода на пенсию. В рамках этих ожиданий аудитория постоянно воспроизводит образ «европейского пенсионера», **активно путешествующего**, у которого есть время и возможности увидеть мир, расслабиться и насладиться жизнью. *«Хотелось бы, как иностранцы, ездят, смотрят мир»* (мужчина, 46-55 лет, Ярославль). *«Моя мама любит путешествовать, ей 76 лет, она ждет Египет, она очень его любит, неоднократно бывает... Для нее это свет в окошечке»* (женщина, 46-55 лет, ВО. Краснодар).

Люди также принимают во внимание важность **финансового положения**, в т. ч. после выхода на пенсию. *«Быть успешной в жизни. Больше зарабатывать, чтобы стимулировать свою нормальную жизнь»* (женщина, 46-55 лет, без ВО. Москва). *«Иметь доход стабильный независимо от работы. Четкого плана нет, но желание есть»* (мужчина, 46-55 лет, Ярославль).

Большинство россиян старшего возраста не представляют свою благополучную старость без внуков. **Общение с внуками** доставляет огромную радость старшему поколению:

«Дети – это наша радость, такие ласковые, прямо растаешь... Кричит на весь двор, бабуля, я тебя люблю» (женщина, пенсионер. Краснодар). Однако регулярный уход за внуками и другие обязанности могут расцениваться пожилыми людьми как утомительные и тяжелые: *«Практически каждый день возжу куда-то внучку, это требует постоянных нагрузок»* (женщина, пенсионер. Москва).

Участники фокус-группы также подчеркивают, что им важно чувствовать **принадлежность к обществу, собственную ценность, иметь уважение со стороны социума**: *«...меня очень уважают [на работе], зовут сдавать отчеты»* (женщина, пенсионер, Москва). Фокус-группы показывают, что **свободное время**, которое пожилые люди могут посвящать самореализации и увлечениям, является важным фактором для субъективного благополучия. *«Хочу заниматься тем, чем хочу, а не тем, чем надо. Хобби, увлечения, а не зарабатывание денег. Не День сурка»* (женщина, 46-55, Ярославль).

На основе проведенного анализа можно сделать вывод, что портрет благополучной старости в России выглядит следующим образом: здоровый, энергичный, физически и экономически активный, обеспеченный, путешествующий по всему миру, с массой увлечений и хобби, признанный в обществе, имеющий хорошие отношения со своей семьей, любящий своих внуков и заботящийся о них. Социально-экономические факторы субъективного благополучия россиян в старшем возрасте никогда не являются отдельно стоящими, практически всегда они идут в связке с социально-психологическими факторами.

Список литературы

Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) (2018). Вып.: сб. науч. ст. / отв. ред. П. М. Козырева. – Электрон. текст. дан. (объем 10 Мб). М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики».

Мареева С. В. (2018). Зоны субъективного благополучия и неблагополучия в российском обществе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология, т. 18, № 4, 695-707.

Слободенюк Е. Д. (2019). Глубокая бедность в России: специфика объективного и субъективного положения и запросы к социальной политике. Социологическая наука и социальная практика, т. 4, 26-38.

Elosua, P. (2014). Dimensions and Values of Elderly People, in: Quality of Life // Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research, 1628-1631.

Fernández-Ballesteros, R. (2011). Quality of life in old age: Problematic issues // *Applied Research in Quality of Life* 6, 21–40.

George L.K. (2010). Still happy after all these years: research frontiers on subjective well-being in later life // *Journal of Gerontology: Social Sciences* 65 (3), 331–339.

Kolosnitsyna, M., Khorkina, N., Dorzhiev, H. (2017). Determinants of Life Satisfaction in Older Russians // *Ageing International* 42(3), 354-373.

Noll, H. H. (2007). Monitoring the quality of life of the elderly in European Societies. A social indicators approach. Mainstreaming ageing. Indicators to monitor sustainable policies. England: Ashgate.

Ulloa, B. F. L., Moller, V., Sousa-Poza, A. (2013). How does subjective well-being evolve with age? A literature review // *Journal of Population Ageing*, 6(3), pp. 227-246.

Межпоколенческий цифровой разрыв в России: уровни, динамика, специфика

- **Введение**

Скорость перехода к информационному обществу является персонализированным показателем и различается на микроуровне: есть индивиды, которые активно живут в цифровом пространстве, есть индивиды, которые не вовлечены в цифровые телекоммуникации. Цифровое неравенство усиливает социальное неравенство (Helsper, 2012; Van Dijk, 2005; Witte and Mannon, 2010) и обусловлено различной степенью вовлеченности индивидов и использования ими цифровых технологий.

Под цифровым разрывом понимается неравенство в доступе к информационно-коммуникационным технологиям (ИКТ), включая Интернет. Само понятие цифрового разрыва появилось в 1995 году (Vehovar et al., 2016), однако, проблематика цифрового разрыва и его последствий для социально-экономического развития стран остается актуальной в настоящее время. Значительное количество исследований посвящено различным аспектам теоретического обоснования, эмпирического измерения цифрового неравенства. Однако, межпоколенческий цифровой разрыв измеряется довольно простыми статистическими методами и не отражает всей глубины существующей проблемы.

Настоящая работа ставит перед собой цель — ответить на следующие исследовательские вопросы: каковы масштабы межпоколенческого цифрового разрыва в России? происходит ли сокращение межпоколенческого цифрового разрыва за последние годы?

Межпоколенческий цифровой разрыв приобретает особое значение как научная проблема в свете демографического тренда к старению населения. Увеличение доли населения старшего возраста в возрастной структуре населения приводит к смещению акцентов на оказание социальной помощи, системе здравоохранения, пенсионном обеспечении. Pirhonen et al. (2020) ввели термин «концепции технологий, с которыми сталкивается Янус». Эта концепция состоит в том, как успешное внедрение цифровых технологий облегчает повседневную деятельность, в то время как неспособность использовать технологии приводит к ощущению отчужденности и отсутствия связи с обществом. Исследователями было обнаружено,

что цифровой разрыв наблюдается не только между поколениями, но и между различными социально-экономическими группами пожилых людей в Финляндии и Ирландии.

Song et al. (2018) на основе интервью выделяют факторы окружающей среды, способствующие более быстрой адаптации людей среднего возраста (middle-aged) к ИКТ. Доступ людей среднего возраста к ИКТ зависит от развития социально-технической инфраструктуры, которая включает в себя доступ к проводным устройствам и воздействие культурной среды, связанной с ИКТ. Обучение между поколениями играет основную роль в поддержке внедрения и использования ИКТ людьми среднего возраста. Молодое поколение, или «цифровые аборигены», может эффективно помочь поколению среднего возраста завершить переход к статусу «цифровых иммигрантов» и освоить использование ИКТ. Кроме того, исследователи рапортуют о позитивном отношении людей среднего возраста к использованию ИКТ в будущем, что говорит о том, что они готовы вступить в стареющее общество с использованием ИКТ.

Исследованию цифрового неравенства в России посвящена работа Волченко О.В. (2016), в которой на основе кросс-секционных данных исследования «Курьер», проводимых в период с июля 2011 по декабрь 2013 гг., обоснован вывод о сокращении цифрового неравенства в России на основе показателя количества Интернет-пользователей. На основе регрессионного моделирования автором выявлено, что доход, образование и время положительно влияют на вероятность использования Интернета, возраст — отрицательно, пол — не значимо.

Вопрос исследования применения цифровых технологий различными поколениями в России по данным Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (РЛМС) проводится в работе Радаева В.В. (2018). Автором проводится сравнение поколений по использованию персонального компьютера, выходу в Интернет, выходу в Интернет с мобильных устройств, онлайн-покупок и активности в соцсетях. Автором делается вывод о том, что миллениалы действительно более активны по сравнению с другими поколениями в использовании гаджетов и Интернета, однако, соседние поколения демонстрируют более серьезные скачки в освоении цифровых технологий.

Проводимое исследование призвано восполнить пробел в эмпирических исследованиях, обосновывающих существование, масштабы межпоколенческого цифрового разрыва в России, проследить его динамику и выделить специфические черты использования ИКТ различными поколениями.

- Измерение межпоколенческого цифрового разрыва

- Три уровня цифрового разрыва

Eastin et al. (2015) отмечает, что пик исследований по цифровому разрыву приходится на 1990-е гг. Однако, основное внимание в исследованиях уделяется измерению второго уровня цифрового неравенства, что обусловлено высоким уровнем цифровизации повседневной жизни индивидов и домохозяйств. В цифровом разрыве различают три уровня. Цифровое неравенство первого уровня предусматривает неравенство в доступе к цифровым технологиям, в основном доступ к Интернету (широкополосному, высокоскоростному, мобильному, Wi-Fi) (Norris 2001; Dewan and Riggins, 2005). В данном случае доступ к цифровым технологиям моделируется как бинарная переменная. Доступ к ИКТ не означает их автоматическое использование индивидами, потому в литературе произошел переход от анализа цифрового разрыва на уровне доступа к технологиям к исследованию использования цифровых технологий, таким образом произошел переход от первого ко второму уровню цифрового неравенства.

Начиная с 2002 года, исследования цифрового неравенства стали выделять второй уровень цифрового разрыва, который предполагает не только различный доступ к цифровым технологиям, но и их использование индивидами, а также цифровые навыки индивидов (Hargittai 2002; Mossberger et al. 2003; Bruno et al. 2011; Büchi et al. 2016). Scheerder et al. (2017) измеряют использование ИКТ на основе следующих показателей: использование компьютера, использование Интернета, использование широкополосного Интернета, время и стоимость использования Интернета. В индексе цифрового неравенства, предложенном Международным союзом электросвязи, учитываются такие факторы, как количество пользователей интернета на 100 жителей, количество компьютеров на 100 жителей, количество абонентов мобильной сотовой связи на 100 жителей, пропускная способность интернета на душу населения и количество абонентов широкополосного интернета на 100 жителей (ITU, 2003). Pick et al. (2005) далее предложили включить в анализ факторов сети, например, количество пользователей Facebook, Twitter или Instagram, в то время как Zhu and Chen (2016) предложили включить факторы, связанные с электронной торговлей и электронным правительством.

Осмысление последствий использования Интернета, получение социально-экономических выгод от ИКТ привело к выделению Wei et al. (2011) третьего уровня цифро-

вого неравенства, требующего оценки «ощутимых результатов использования Интернета» [Scheerder et al. (2017), p. 1608]. Измерение цифрового неравенства третьего уровня представлено в литературе достаточно расплывчато. Так, в работе Scheerder et al. (2017), посвященной систематическому обзору исследований по цифровому разрыву, в качестве категорий третьего уровня цифрового разрыва используется «специфическая деятельность в Интернете» [p. 1608], которая практически не отличается от Интернет-активности, включенной во второй уровень цифрового разрыва. Третий уровень цифрового разрыва «наиболее сложен для измерения и опирается на информацию о цифровизации отдельных сфер жизни общества» (Добринская и Мартыненко, 2019).

Основной смысл выделения цифрового разрыва третьего уровня состоит в определении неравенства в оффлайн активности в экономической, социальной, политической сферах, которая обусловлена различиями в использовании Интернет-технологии. Исследования, касающиеся влияния использования Интернета на экономические результаты, уже показали, что в обществе, где использование Интернета менее унифицировано, более интенсивное использование Интернета может привести к увеличению заработной платы (DiMaggio & Bonikowski, 2008; Kuhn & Mansour, 2014). Van Deursen & Helsper (2015) наиболее полно раскрывают возможные преимущества от цифрового разрыва, выделяя пять групп: экономические — продажа товаров, резервирование отпуска, покупка товаров, поиск работы; социальные — встречи с людьми, общение, онлайн свидания, образовательные — поиск информации в образовательных целях; политические — участие в политических мероприятиях и онлайн голосовании; институциональные — контакты с представителями государства и поиск медицинской информации.

Исследование цифрового разрыва третьего уровня в экономике России является перспективным направлением научного поиска.

- Подходы к идентификации поколений

Следует остановиться на понимании поколений как социально-экономической категории. Трансформация понятия «поколение» в российской реальности представлено в работе Б.Дубина (2002), в которой определены границы идентификации поколения как «фиксация общей для него нормы социального и культурного, значимого опыта, типовых реакций и пр., включая общие символы и символические фигуры, объединяющие поколение».

Формальное представление поколений как возрастных когорт основывается на теории поколений How & Strauss (2000), которая была разработана на примере американского общества. Адаптация выделенных поколений к российской истории, соединение с историческим срезом и учет его влияния на возрастную структуру населения России (Левада, 2001) позволило выделить следующие поколения (Митрофанова, 2009; Шамис и Антипов, 2018; Башина и др., 2018; Богомоллова и др. 2020):

- поколение General Item (GI), Победители (1900 – 1922 гг.);
- молчаливое поколение, Pensioners (1923-1942 гг.);
- поколение Baby Boomers (1943-1962 гг.);
- поколение X, неизвестное поколение (1963-1982 гг.);
- поколение Y, миллениалы (1983–2002 гг.);
- поколение Z, центениалы (2003-2023 гг.).

Наиболее продвинутыми в использовании цифровых технологий являются представители поколений Y и Z, которые фактически родились в период бурного распространения цифровых технологий, Интернета. Их относят к так называемым “digital native” (Tapscott, 1999; Prensky, 2001), которые в отличие от других поколений — “digital immigrants” — родились в цифровую эпоху и обладают когнитивными навыками в использовании интернет-технологий.

Подход Радаева В.В. (2018) предполагает выделение поколений с учетом периода взросления их представителей: мобилизационное поколение, поколение оттепели, поколение застоя, реформенное поколение, поколение миллениалов, поколение Z. Однако, период взросления, на наш взгляд, также выступает достаточно сложным критерием для выделения поколений с учетом того факта, что «взросление» является субъективным процессом отдельного индивида.

В данной работе мы используем демографический подход в соответствии с классификацией В.Т. Лисовского (2000) к выделению поколений, который исходит из того, что поколение представляет собой совокупность сверстников, родившихся приблизительно в одно время и образующих возрастную слой населения. Преимуществом выделения поколений на основе возрастных когорт является возможность межстранного сравнения. Однако, выбранный подход в меньшей степени учитывает культурно-историческое развитие страны.

Антропологический подход к идентификации поколений представлен в работе Soysal et al. (2019), когда авторы идентифицируют цифровой разрыв в ИКТ-грамотности на основе

результатов тестирования навыков и умений студентов и их родителей. В данном случае подход к выделению поколений отличается от демографического. Результаты исследования авторов показали, что между родителями и студентами существует статистически значимый цифровой разрыв, который проявляется в том, что родители уступают по показателям ИКТ-грамотности своим детям. Похожий подход использовали Rasskazova & Soldatova (2014), которые по данным опроса подростков в возрасте 12-17 лет и родителей с детьми аналогичного возраста выстроили индекс цифровой компетентности (The Digital Competence Index (DCI)), включающий собственное мнение респондентов по следующим компонентам: знания, навыки, мотивация и ответственность при использовании Интернета. В данном случае подход исследователей направлен на выделение поколений на основе возраста, но с привязкой к семейному статусу. Основным выводом исследователей является заключение о том, что цифровая грамотность опрошенных составляла всего одну треть от возможного максимума. Наиболее сильным компонентом цифровой грамотности были знания, а наименее заметным компонентом - мотивация.

- Статистические методы доказательства межпоколенческого цифрового разрыва

Самым простым методом исследования цифрового разрыва является использование бинарной переменной (например, пользователь или непользователь Интернета) и сравнение разных демографических групп по данной переменной на основе значимости t-теста. Однако, как показано в работе Vehovar et al. (2006) на примере цифрового разрыва между городскими и сельскими жителями, такой бинарный метод не позволяет выявить взаимосвязи между различными демографическими характеристиками. Так, использование многофакторного подхода (multivariate approach), например, логлинейного моделирования показало, что место проживания как подфактор в случае разбиения выборки по переменной «Образование» не является значимым фактором для использования Интернета.

Достаточно значительный объем литературы посвящен измерению цифрового разрыва с помощью построения композитного показателя или интегрального индекса (Devan et al., 2005; ITU, 2009; Van Dijk, 2005; Cruz, 2018). Одним из примеров построения такого индекса является — Digital Divide Index (DIDIX), разработанный для Европейского Союза. Данный индекс построен следующим образом: доля населения, использующих компьютер (с весом 50%), доля населения, использующая Интернет (30%), доля населения, использующих Ин-

тернет дома (20%). Далее выделены 4 группы риска: женщины; индивиды старше 50 лет; индивиды с низким уровнем образования (те кто закончили среднюю школу до 15 лет); низко-доходная группа (низший квартиль по доходу). Индекс, рассчитанный по группе риска, сравнивается со значением по всему населению по данному демографическому признаку. Если коэффициент близок к 100, то цифровой разрыв отсутствует (Husing & Selhofer, 2004). Основным преимуществом такого индекса является возможность его использования для сравнения стран или отдельных групп стран. Среди недостатков данного индекса выделим упрощение сложных взаимосвязей между экономическими явлениями, усреднение показателей, неадекватные результаты, если его использовать на гетерогенной совокупности.

На примере российских регионов Архипова и др. (2018) предлагают разработку интегрального индекса оценки развития информационного общества. Авторами подробно обоснованы недостатки сводного Индекса готовности регионов России к информационному обществу, разработанного Институтом развития информационного общества и предложен авторский Индекс доступности к ИКТ на основе выделения двух главных компонент.

Наиболее распространенными методами статистического подтверждения межпоколенческого цифрового разрыва являются методы межгрупповой и внутригрупповой дисперсии — ANOVA (Soysal et al., 2019). Метод Tukey B в дополнение к методу ANOVA позволяет попарно сравнить вариацию признака в отдельных группах (Van Volkom et al., 2014; Mardikyan, 2015; Kormos, 2018). Однако, использование метода ANOVA возможно для данных, отвечающих нормальному закону распределения.

Логистическая регрессия, построенная с учетом контрольных переменных, позволяет определить, какие факторы выступают детерминантами доступа к Интернету (Loges & Jung, 2001). В качестве контрольных переменных используют: возраст, возраст в квадрате, пол, семейный статус, уровень образования, занятость, уровень дохода (натуральный логарифм), место проживания (городские или сельские поселения), этничность (русские или другие национальности) (Радаев, 2019).

Разработанный еще в 1973 году Sicherl (2005) метод временного расстояния (time-distance), находит свое применение при динамическом анализе разрывов. При этом методе демонстрируется за какой временной промежуток будет достигнут нормативный показатель. Пример использования метода временного расстояния представлен в работе Vehovar et al. (2006) при расчете временного расстояния преодоления цифрового разрыва между Словенией и странами ЕС-15.

- Методы исследования и данные

- Данные

В качестве данных для анализа межпоколенческого цифрового разрыва были взяты результаты опроса «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)». Для анализа динамики цифрового разрыва были выбраны данные объединенной совокупности, охватывающие временной период 1994-2018 гг. Однако, при проверке отдельных гипотез временные промежутки выбирались исходя из вопросов, которые появлялись в определенных волнах или задавались респондентам с определенного года. Изначально объединенные данные составили 353827 наблюдений.

- Методы исследования

Для анализа цифрового разрыва были выделены поколения в соответствии с моделью поколений, представленной в п.2.2. Поколение Z появилось в опросе только начиная с 2003 года, при этом поколение GI к 2018 году сильно истощилось. Исходя из этого обстоятельства, анализ представлен пятью основными поколениями и поколением GI, которое существенно уступает по численности опрошенных и представлено в исследовании в качестве справочной информации, не позволяющей делать обоснованные выводы. Выделение поколений осуществлялось на основе демографического подхода (age-cohort). Общая количество респондентов за период 1994-2018 гг. по выделенным поколениям представлено в Таблице 1.

Таблица 1. Количество респондентов в поколениях в 1994-2018 гг.

Название поколения	Возрастная когор-та, гг.	Количество респондентов, чел. % от общей численности респон-дентов
Поколение General Item (GI), Победители	1900 – 1922	3,873 1.09
Молчаливое поколение, Pensioners	1923 – 1942	44,660 12.62
Поколение Baby Boomers	1943 – 1962	83,445 23.58
Поколение X, неизвестное поколение	1963 – 1982	100,604 28.43
Поколение Y, миллениалы	1983 – 2002	89,760 25.37
Поколение Z, центениалы	2003 – 2023	31,485 8.90

Для ответа на основной исследовательский вопрос был выдвинут ряд гипотез.

H₁: В российской экономике наблюдается межпоколенческий цифровой разрыв первого и второго уровня.

Для обоснования наличия межпоколенческого цифрового разрыва по трем уровням был проведен сравнительный анализ показателей по переменным, представленным в Таблице 2. Основной базой данных, используемой при проведении исследования, послужили результаты опроса РЛМС. Исходя из ограниченного выбора вопросов, нами были отобраны вопросы, наиболее близко соответствующие трем уровням цифрового неравенства (см. Таблицу 2). Отобранные переменные отражают доступ респондента к цифровым технологиям, использование и выгоды, которые он получает от использования ИКТ. Первый уровень цифрового разрыва предполагает доступ к Интернету, который в РЛМС фиксируется на уровне домохозяйств, а не индивидов. Однако, респондент может иметь доступ к персональному компьютеру на работе, в общеобразовательном учреждении, а дома пользоваться другими гаджетами более портативными и мобильными. В этой связи для идентификации первого уровня цифрового разрыва был включен вопрос о пользовании персональным компьютером, который в большей степени относится к использованию, чем к доступу, но в то же время полностью покрывает все возможные места доступа к компьютеру. В данном случае мы сосредоточили внимание на владении респондентом цифровыми гаджетами.

Второй уровень цифрового разрыва предполагает владение навыками по использованию ИКТ, среди которых центральным вопросом является использование Интернета. Навыки использования мобильного телефона по выходу в Интернет, обмену информацией и скачиванию файлов также отражают уровень цифровой компетентности индивида.

Таблица 2. Идентификация трех уровней цифрового неравенства

Уровень цифрового неравенства	Идентификационная переменная
Первый уровень – доступ к цифровым технологиям	пользование персональным компьютером
	есть планшет
	есть компьютер переносной - ноутбук, лэптоп или нетбук
	есть смартфон, коммуникатор, i-Phone (ай-фон)
Второй уровень – использование и навыки работы	есть мобильный сотовый телефон
	есть «умные часы»
	пользование Интернетом в течение последних 12 месяцев
	использование функции мобильного телефона - выход в Интернет

с цифровыми технологиями	использование функции мобильного телефона - обмен информацией с компьютером
	использование функции мобильного телефона - скачивание музыки и т.д.
Третий уровень – выгоды от использования цифровых технологий	использование Интернета в течение последних 12 месяцев для учебы / работы / развлечений / общения с другими людьми / для получения информации о новостях / для расширения кругозора, повышения своего культурного уровня / поиск основной работы

Третий уровень цифрового разрыва является наиболее проблематичным с точки зрения идентификации в вопроснике РЛМС, поскольку предполагает выделение выгод от использования цифровых технологий. Третий уровень цифрового разрыва исследуется в странах, в которых население гомогенно по уровню использования Интернета. Российские данные свидетельствуют о значительном прогрессе в данном вопросе, однако, остаются группы риска с низким уровнем владения Интернетом. При поиске идентификационных переменных мы исходили из того, что выгоды должны быть одинаково приемлемы для всех поколений. Мы выделили ряд вопросов, связанных с целями использования Интернета, которые отражают отдельные виды активности (учебу, работу, поиск информации, повышение культурного уровня, справочные материалы, заказ товаров), косвенно свидетельствующие о выгодах использования Интернета. Так, использование Интернета в качестве источника справочных материалов позволяет сократить физическое время на посещение библиотеки. Заказ товаров через Интернет дает возможность индивиду либо сэкономить на стоимости покупки, либо сократить время поиска и совершения сделки (транзакционные издержки).

По первому уровню цифрового разрыва была сформирована бинарная переменная, отражающая общий уровень доступа к цифровым гаджетам. Если хотя бы по одной из представленных переменных, относящихся к данному уровню цифрового разрыва, респондент положительно отвечал на вопрос, то таким образом он диагностировал соответствие уровню цифрового неравенства. В случае одновременно пропуска ответов по всем переменным, входящих в уровень цифрового разрыва, или одновременно выбора «затрудняюсь ответить», «отказ от ответа», «нет ответа», данное наблюдение исключалось.

Третий уровень цифрового разрыва представлен косвенными вопросами по целям использования Интернета, поэтому по данному уровню проведен сравнительный анализ целей использования Интернета различными поколениями.

H₂: В российской экономике увеличивается цифровой разрыв между старшими и молодыми поколениями.

В данном случае под «старшими» поколениями мы подразумеваем молчаливое поколение и поколение бэбибумеров, под «молодыми» — поколение миллениалов и центиниалов.

Для анализа динамики межпоколенческого цифрового разрыва было рассчитано расстояние в единицах времени — сколько лет потребуется поколению для достижения нормативного значения при сохранении средних темпов роста показателя. В качестве нормативного значения был выбран наиболее высокий уровень распространения признака в соответствующем году. Средний темп роста рассчитывался как среднее геометрическое. В данном случае в качестве идентификационной переменной было выбрано использование респондентом Интернета как наиболее распространенная цифровая технология. При проверке гипотезы H₂ было проведено ограничение временного периода до 2012-2018 гг., что было продиктовано тем фактом, что до 2012 года молчаливое поколение не превышало 97 человек, поэтому уровень использования Интернета демонстрировал положительный тренд с 20,45% в 2003 году до 71,13% в 2011 году. Однако, в 2012 году произошел заметный разрыв — значение уровня использования Интернета среди представителей молчаливого поколения составило 4,23% от общего количества опрошенных соответствующего поколения. Подобный разрыв объясняется тем фактом, что количество опрошенных было существенно увеличено и начиная с 2012 года составило более 1000 человек, что привело к существенной корректировке показателя. Следовательно, для сравнения поколений выбран временной период 2012-2018 гг.

H₃: На межпоколенческий цифровой разрыв второго уровня оказывают значимое влияние место рождения респондента (коренной россиянин, мигрант) и основное занятие индивида.

Межпоколенческий цифровой разрыв второго уровня представлен использованием Интернета, на которое влияют демографические характеристики, образ жизни респондента, принадлежность к определенному поколению. Следуя этой логике, для обоснования влияния поколений на использование ИКТ была построена логистическая регрессия и рассчитаны предельные эффекты для количественной интерпретации результатов. Выбор метода построения модели продиктован типом зависимой переменной — бинарной. В качестве контрольных переменных были использованы: пол, тип населенного пункта (город, село), образование (среднее, среднее специальное, высшее и выше), возраст, возраст в квадрате. Выбор контрольных переменных продиктован анализом литературы по теме исследования. Так, в работе Loges & Jung (2001) отслеживая каким образом возраст респондентов в США влияет

на доступ к Интернету, исследователи контролировали на доход, образование и пол. Кроме того, проверяя взаимосвязь между временем в Интернете онлайн и возрастом, они контролировали еще и занятость, считая, что, преследуя цели по работе, более взрослые респонденты могут дольше находиться онлайн. В проводимом исследовании мы включили поколение Z, которое отличается отсутствием дохода и занятости. Руководствуясь этим, мы не включили в модель доход, и занятость представлена в модели в качестве одной из категорий переменной, описывающей основное занятие респондента.

-
- Анализ и результаты
- Три уровня межпоколенческого цифрового разрыва

Первый уровень цифрового разрыва представлен показателями, описывающими долю представителей соответствующего поколения, имеющего доступ к различным цифровым гаджетам. Данные по использованию компьютеров доступны в РЛМС с 2000 года, мобильных сотовых телефонов – с 2005 года, ноутбуков и смартфонов – с 2010 года, планшетов доступны с 2012 года. Анализ владения цифровыми гаджетами различными поколениями показывает неоднородность в доступе к цифровым технологиям в российской экономике.

По данным за 2018 год доступ к компьютеру был у 66% индивидов, 57% опрошенных имели лично или совместно доступ к ноутбуку. Поколение Y является главным собственником переносных компьютеров и ноутбуков — 34% представителей владеют лично и еще 32% совместно (см. Рис. 1).

Мобильный телефон и смартфон в отличие от ноутбуков является индивидуальной собственностью: 48% респондентов в 2018 году владели смартфоном и только 0,42% пользовались совместно. 52% респондентов имели в личном распоряжении мобильный сотовый телефон. Поколение Y лидирует среди поколений по наличию смартфонов и в то же время занимает самую низшую позицию по оснащенности мобильными телефонами. Мобильные телефоны являются прерогативой старших поколений: молчаливого, беби-бумеров и Победителей, в то время как смартфоны характерны для молодых поколений.

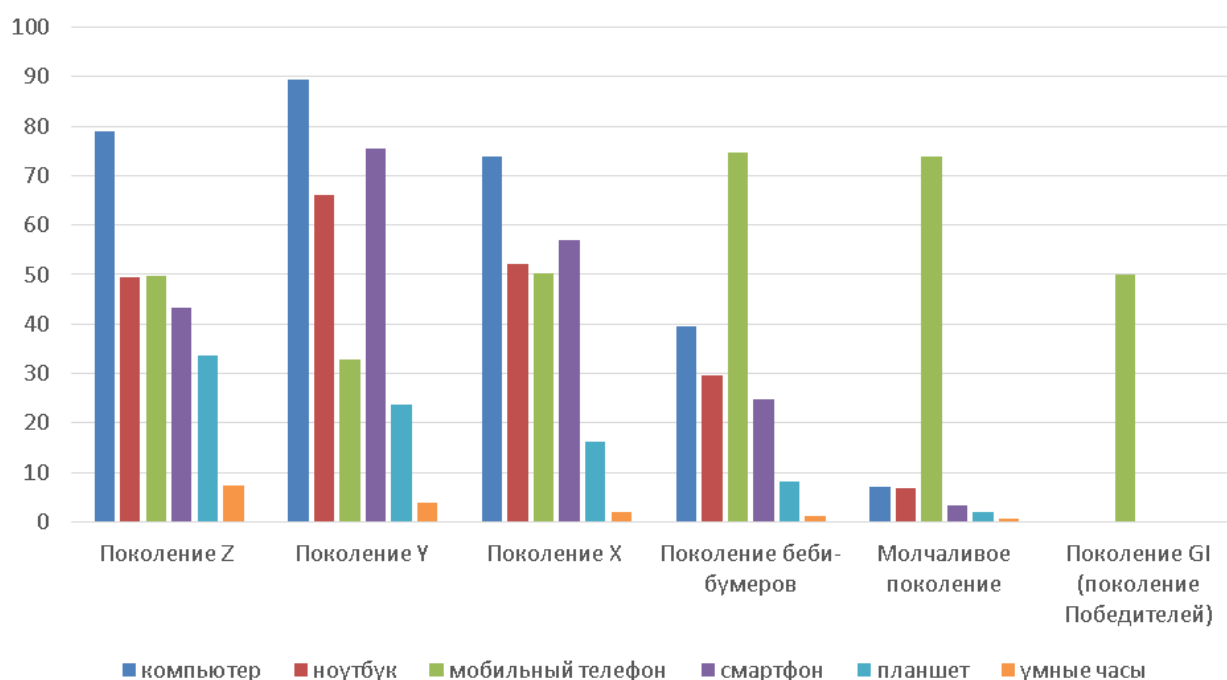

Рис. 1. Владение гаджетами поколениями в 2018 гг., в % от опрошенных соответствующего поколения

Только 12% владеют планшетом лично и еще 6% совместно с другими членами семьи. При этом наибольший процент представителей, имеющих планшет, прослеживается среди поколения Z.

Умные часы являются самой молодой цифровой технологией для потребителей. Вопрос о наличии умных часов появился в опросе РЛМС в 2018 году. Данная технология получила наибольшее распространение у поколения Z, что, на наш взгляд, продиктовано не столько желанием самих представителей поколения Z, сколько желанием их родителей: с точки зрения безопасности, ограничения доступа к Интернет-контенту.

Второй уровень цифрового разрыва предполагает более глубокий анализ навыков использования ИКТ. Если на первом уровне цифрового разрыва фиксируется неравенство в доступе к ИКТ, то на втором уровне – неравенство в использовании ИКТ, поскольку доступ к технологии не означает автоматическое ее использование. В соответствии с Табл. 2 второй уровень цифрового разрыва включает сравнение поколений по использованию Интернета и навыков использования смартфона. Однако, вопросы относительно функций смартфона по выходу в Интернет, обмену данными с компьютером, скачиванию музыки были только в ис-

следовании 2009 года. Следовательно, основное внимание при анализе межпоколенческого разрыва второго уровня мы сосредоточим на использовании Интернета. В 2018 году 95,4% представителей поколения Y пользовались Интернетом. Данное значение — максимальное среди исследуемых поколений. Среди поколения Z и поколения X 80% респондентов пользовались Интернетом, а среди поколения беби-бумеров — 43%. Наименьшее значение пользователей Интернета среди молчаливого поколения — только 7%.

Третий уровень цифрового разрыва характеризуется выгодами от использования цифровых технологий. Проследив какие цели преследуют представители поколений при использовании Интернета, мы можем определить сферы жизнедеятельности, в которых индивиды способны получать выгоды от использования ИКТ. В 2018 году цели использования Интернета отражают образ жизни и основной вид экономической активности респондентов (см. Рис. 2). Так, поколение Z активно использует Интернет для учебы как для основного вида деятельности, при этом для работы — практически нет в силу раннего возраста поколения Z. Остальные поколения используют Интернет для учебы сравнительно меньше поколения Z. Однако, такая цель ими также указывается при ответе, значит, концепция непрерывного образования имеет место быть среди поколений в России. Для работы Интернет более активно используют представители поколения X и Y. Но активность в использовании Интернета для работы на порядок ниже, чем использование Интернета для развлечений, для общения с другими людьми, для получения информации о новостях и для расширения кругозора и повышения культурного уровня.

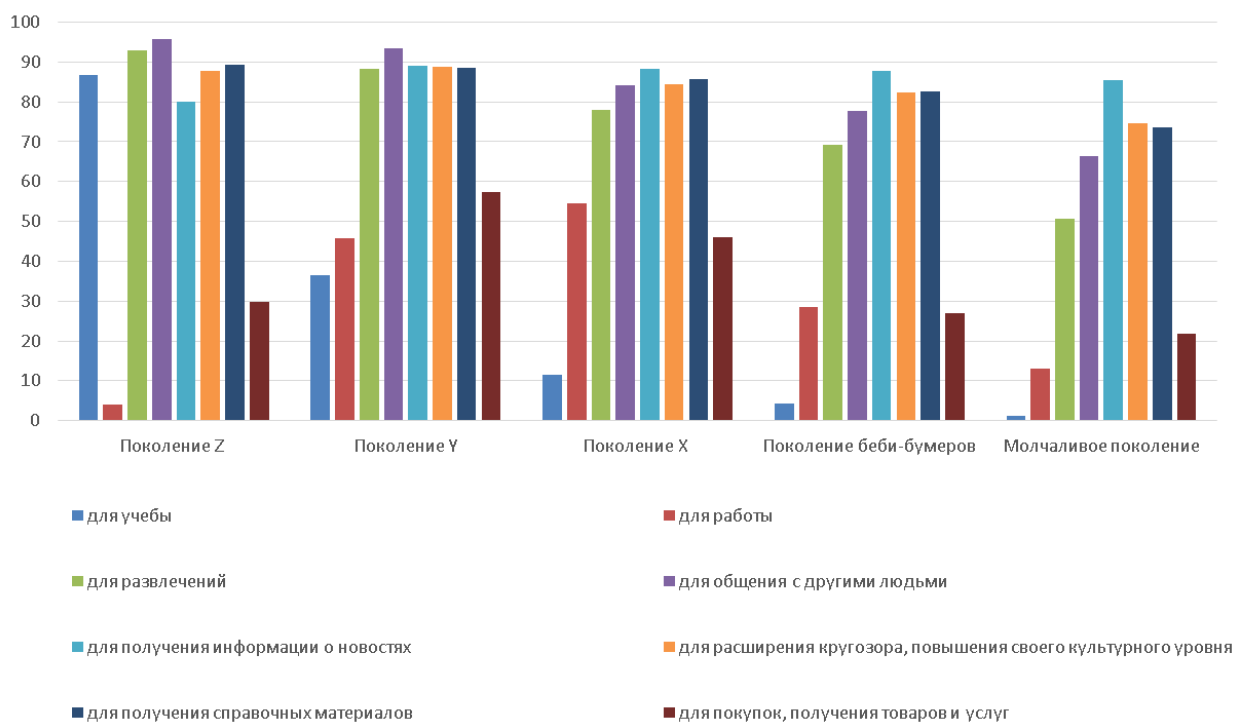

Рис. 2. Цели использования Интернета поколениями в 2018 гг., в % от ответивших соответствующего поколения

Электронная коммерция, как и цифровая трансформация бизнеса, в России находится на стадии становления, о чем свидетельствуют данные об использовании Интернета с целью покупок товаров и услуг. Наибольший процент положительно ответивших на этот вопрос отмечен среди представителей поколения Y, но и для них он составил только 57%.

Использование Интернета для поиска основной работы задавался до 2014 года, поэтому результаты ответа на этот вопрос требуют обновления.

4.2. Динамика межпоколенческого цифрового разрыва

Для того чтобы проследить как отличались поколения по доступу к ИКТ (владению цифровыми гаджетами) в течение 2012-2018 гг., была построена бинарная переменная «Доступ к ИКТ», принимающая значение 1 в случае, если респондент лично или совместно имел доступ к хотя бы одному из цифровых гаджетов (компьютеру, мобильному телефону, смартфону, ноутбуку, планшету, «умным» часам). Динамика данного показателя показана на гистограмме (см. Рис. 3).

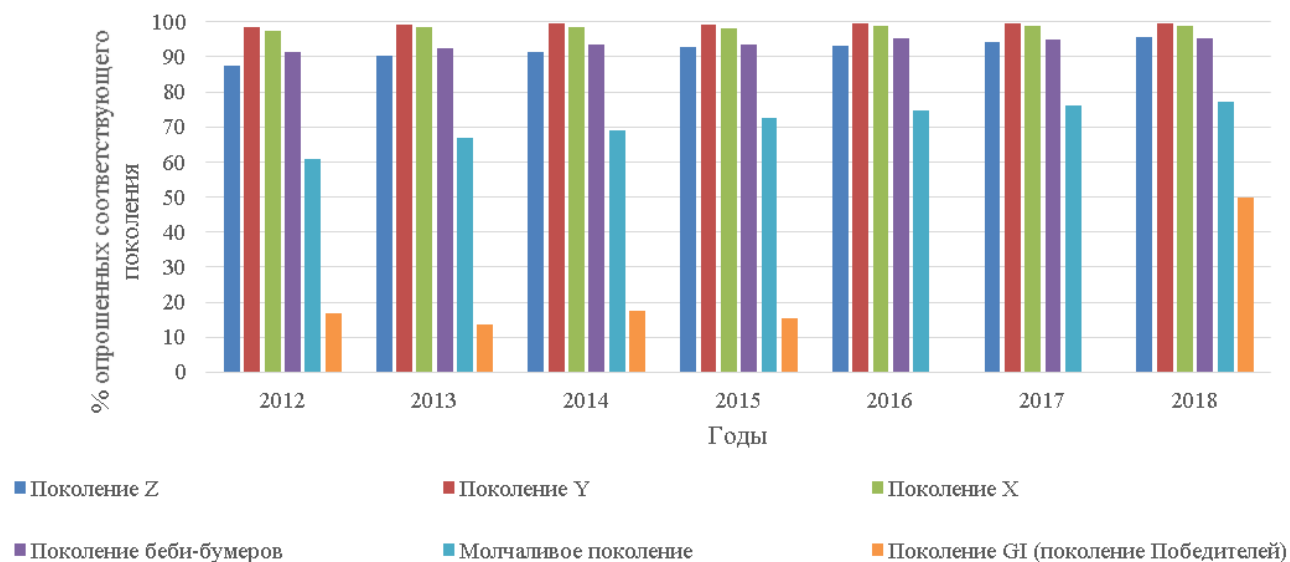

Рис. 3. Доступ к ИКТ среди представителей поколений в 2012-2018 гг., в % от опрошенных соответствующего поколения

Следует заметить, что по доступу к цифровым гаджетам поколения Z, Y, X и беби-бумеры достигли практически максимально возможного уровня. Отстает от лидеров – молчаливое поколение, однако, среди представителей данного поколения наблюдается стабильный рост владельцев гаджетов — с 61 до 77% за 2012-2018 гг.

Для характеристики второго уровня цифрового разрыва было выбрано использование Интернета в качестве основного показателя. Анализ показателя в разрезе поколений в отличие от доступа к ИКТ свидетельствует о наличии цифрового разрыва второго уровня в явном виде (см. Рис. 4).

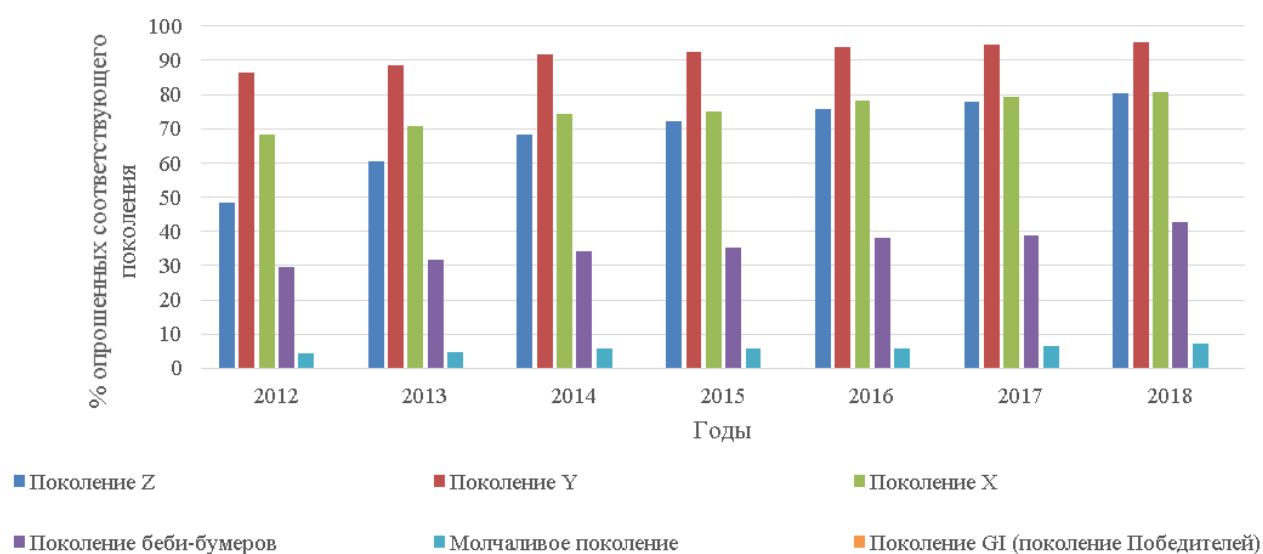

Рис. 4. Использование Интернета поколениями в 2012-2018 гг., в % от опрошенных соответствующего поколения

Рисунок 4 демонстрирует резкий повышательный тренд использования Интернета для поколения Z с 48 до 80%, при этом такого стремительного увеличения Интернет-пользователей не наблюдается среди представителей других поколений. Поколение Y характеризуется наиболее высоким уровнем использования Интернета среди представителей поколений: на 2018 год 95,4% опрошенных использовали Интернет в течение последних 12 месяцев. Постепенный рост наблюдается среди представителей поколения X (с 68 до 81%), беби-бумеров (с 30 до 43%) и представителей молчаливого поколения (с 4 до 7%). Однако, как было подчеркнуто выше ни одно из поколений не демонстрирует столь стремительного роста как поколение Z. И если для поколения Y охваченность Интернет-пользователей близка к 100%, поэтому стремительного роста пользователей среди представителей этого поколения сложно ожидать, то беби-бумеры и молчаливое поколение демонстрируют относительно скромные темпы роста. Следует отметить, что на протяжении исследуемого временного промежутка среди представителей поколения GI пользователей Интернета не было.

- Расстояние во времени для анализа межпоколенческого цифрового разрыва

Для анализа динамики межпоколенческого цифрового разрыва была использована идея метода расстояния во времени, то есть было рассчитано в единицах времени, какое расстояние должны преодолеть поколения до достижения нормативного значения.

По первому уровню цифрового разрыва была построена композитная переменная, характеризующая доступ респондентов к ИКТ. Она принимает значение 1 в случае, если у респондента есть доступ к компьютеру, мобильному телефону, ноутбуку, планшету, смартфону или он владеет «умными» часами. Таким образом, построенная переменная характеризует доступ индивида к цифровым гаджетам. Для определения разрыва по каждому году рассчитаны средние темпы роста показателей и количество лет, которое необходимо преодолеть поколению до достижения нормативного значения. В качестве норматива было выбрано наибольшее среди поколений значение по переменной, характеризующей количество респондентов, имеющих доступ к ИКТ (далее – «доступ к ИКТ»). В период 2012-2018 гг. наибольшее значение «доступа к ИКТ» было отмечено у поколения Y, поэтому оно было выбрано в качестве нормативного значения.

На Рис. 5 продемонстрирована динамика цифрового разрыва первого уровня по поколениям в 2013-2018 гг. в годах, которые требуются для преодоления разрыва до значения поколения «доступ к ИКТ» у поколения Y.

Рис. 5. Временное расстояние до нормативного значения «доступа к ИКТ» между поколениями, в годах

Основной вывод, который мы можем сделать по динамике расстояния во времени, заключается в том, что оно в 2014-2018 гг. находилось на уровне: 4 года – для поколения Z, 4 года – для поколения X, 7 лет – для поколения беби-бумеров и 6 лет – для молчаливого поколения. Открытым остается вопрос о сравнении с разрывом в 2013 году. Данные за предыдущие годы отсутствуют, поэтому утверждать то, что по сравнению с 2013 годом в 2014-2018 гг. происходило увеличение межпоколенческого цифрового разрыва первого уровня, не представляется возможным на таком коротком временном отрезке.

Если применить к полученным данным идею метода временного расстояния, взяв за норматив уровень Интернет-пользователей поколения Y соответствующего года, то мы получим результаты, представленные на рис. 6. При сохранении средних темпов роста количества пользователей Интернета среди поколений, уровень Интернет-пользователей поколения Y 2018 года будет достигнут поколением Z — в 2020 году; поколением X — в 2024 году (через 6 лет), поколением беби-бумеров — в 2032 году (через 14 лет); молчаливым поколением — в 2047 году (через 29 лет). Данные прогнозные значения предполагают сохранение средних темпов роста Интернет-пользователей среди опрошенных представителей соответствующего поколения и социально-экономической конъюнктуры. Период самоизоляции 2020 года, скорее всего, внес существенные коррективы в темпы роста использования Интернета среди всех поколений.

Рис. 6. Временное расстояние до нормативного значения Интернет-пользователей между поколениями, в годах

Динамический анализ межпоколенческого цифрового разрыва показывает, что разрыв в годах между поколением Z и Y, X и Y сохраняется в течение 2012-2018 годов и составляет 2 года и 6 лет соответственно. Этот факт может свидетельствовать о схожих темпах роста Интернет-пользователей в двух соседних поколениях. Поколение беби-бумеров в среднем отстает на 15 лет от поколения Y. Наибольшие опасения вызывает рост цифрового разрыва между молчаливым поколением и поколением Y: если в 2013 и в 2014 гг. он составлял 20 лет, то к 2018 году он увеличился до 29 лет, что может отражать тот факт, что поколение Y осваивает Интернет значительно быстрее молчаливого поколения.

Заметим, что межпоколенческий разрыв второго уровня более значителен для поколений X, беби-бумеров и молчаливого поколения по сравнению с цифровым разрывом пер-

вого уровня. Однако, отрыв поколения Z второго уровня меньше, чем первого: поколение значительно лучше владеет навыками использования Интернета, хотя менее обеспечено цифровыми гаджетами.

- Результаты моделирования

При построении логистической регрессии в качестве зависимой переменной была выбрана переменная, характеризующая второй уровень межпоколенческого цифрового разрыва — использование Интернета. В результате построения логистической регрессии и расчета предельных эффектов в средней точке были получены значимые эффекты (см. Табл. 3).

Выделение поколений среди населения (generations) позволяет подтвердить гипотезу H₃ о дифференциации поколений по доле представителей, использующих Интернет. Поколения Y (generations.Y), X (generations.X), беби-бумеров (generations.BB) и молчаливое поколение (generations.Silent) показали значимое отличие от базы сравнения — поколения Z. При этом важно отметить, что перечисленные поколения существенно отстают от доли представителей поколения Z, которые пользуются Интернетом.

Таблица 3. Предельные эффекты по логистической регрессии (зависимая переменная – использование Интернета)

	dy/dx	Std. Err.	z	P>z	[95% Conf. Interval]	
generations						
Y	-0.0369071	0.0019371	-19.05	0.000	-0.0407038	-0.0331105
X	-0.2861975	0.0050283	-56.92	0.000	-0.2960528	-0.2763422
BB	-0.7345884	0.0070741	-103.84	0.000	-0.7484534	-0.7207234
Silent	-0.9494469	0.005559	-170.80	0.000	-0.9603423	-0.9385515
AGE	0.0293501	0.0012424	23.62	0.000	0.0269151	0.031785
age_sq	-0.0002628	0.0000132	-19.88	0.000	-0.0002888	-0.0002369
activity						
student	0.2269706	0.0068291	33.24	0.000	0.2135858	0.2403554
self-empl	0.0890118	0.0109551	8.13	0.000	0.0675402	0.1104835
empl	0.0545471	0.0042895	12.72	0.000	0.0461399	0.0629544
unempl	0.0099382	0.0066191	1.50	0.133	-0.003035	0.0229115
diplom						

secondary	0.0808194	0.0056948	14.19	0.000	0.0696577	0.0919811
secondary prof	0.19485	0.0067705	28.78	0.000	0.1815801	0.2081199
tertiary	0.3741204	0.0064928	57.62	0.000	0.3613946	0.3868461
urban	0.1711674	0.0055508	30.84	0.000	0.1602881	0.1820468
migrant	0.0244048	0.0066642	3.66	0.000	0.0113432	0.0374664
gender	-	0.0051563	-1.07	0.283	-0.0156369	
	0.0055307				0.0045756	

В отношении влияния основного занятия на вероятность использования Интернета, обучающиеся в школах и вузах (activity.student), фермеры и предприниматели (activity.self-empl), занятые в организациях (activity.empl) продемонстрировали увеличение вероятности использования Интернета по сравнению с экономически неактивными респондентами, включающими инвалидов, домохозяек, пенсионеров. Безработные значимо не отличаются от базовой категории.

Значимый предельный эффект наблюдается и в отношении мигрантов: вероятность использования Интернета на 2,4% выше среднего значения по сравнению с коренными россиянами.

Контрольные переменные — возраст (AGE), возраст в квадрате (age_sq), уровень образования (diplom) показали значимые предельные эффекты. Пол (gender) значимого предельного эффекта в отношении использования Интернета не показал.

- Выводы и дискуссия

Существование межпоколенческих различий в использовании ИКТ подтверждается результатами построения логистической регрессии. Выделение пяти поколений позволяет более полно учесть особенности владения и использования цифровыми гаджетами и сетью Интернет.

В цифровом разрыве можно выделить три уровня: неравномерность доступа к ИКТ, использования ИКТ и выгод от использования ИКТ. Анализ первого уровня межпоколенческого цифрового разрыва в России позволил сделать вывод о том, что владение цифровыми приборами (гаджетами) неоднородно среди поколений. Наиболее сильно гаджеты распространены у поколений – X, Y и Z. При этом поколение беби-бумеров и молчаливое поколение активно освоили мобильные телефоны, однако, другие цифровые гаджеты — ноутбуки, смартфоны, планшеты — распространены среди представителей данных поколений в меньшей степени, чем среди более молодых поколений.

По первому уровню межпоколенческого цифрового разрыва поколения X, Y, Z и беби-бумеры близки к 100% доступа к ИКТ, существенно отстает только молчаливое поколение. При этом данные мониторинга развития цифровой экономики НИУ ВШЭ подтверждают увеличение обеспеченности домохозяйств доступом к Интернету: в 2018 году уровень составил 77% от общего числа обследованных домохозяйств, что сравнимо с уровнем доступа в США (Индикаторы цифровой экономики: 2019, с.121). В проведенном исследовании доступ к ИКТ рассчитывался на индивидуальном уровне, он оказался выше обеспеченности на уровне домохозяйств.

Второй уровень межпоколенческого цифрового разрыва в России — по использованию Интернета — присутствует в явном виде. Среди поколений по уровню использования Интернета лидирует поколение Y, что неоднократно отмечалось в исследованиях, посвященных анализу поведения миллениалов (Радаев 2018; Башина и др., 2018; Радаев, 2020). Цифровые навыки населения относятся к цифровому разрыву второго уровня. По данным (Индикаторы цифровой экономики: 2019, с.130) цифровой разрыв между возрастными когортами по цифровым навыкам проявляется между респондентами в возрасте 15-35 лет, 36-54 лет, 55-75 лет и старше 75 лет.

Цифровой разрыв третьего уровня находится на уровне поиска выгод, которые могли охарактеризовать использование ИКТ всеми поколениями. В настоящем исследовании в качестве прокси-переменных для характеристики различий в сферах деятельности, для которых используется Интернет, было проведено сравнение целей использования Интернета по поколениям. Лидируют такие цели использования Интернета, как: для развлечений, для общения, для поиска информации. Для учебы использование Интернета характерно в большей степени для поколения Z в силу возрастных причин. Покупка товаров через Интернет в России развита в недостаточной степени. Van Deursen & Helsper (2015) на данных Нидерландов при исследовании третьего уровня цифрового разрыва получили следующий результат: молодые группы (в возрасте 16-35) получали больше выгод в трудовой деятельности благодаря Интернету по сравнению с более старшими возрастами.

Гипотеза H₂ об увеличении межпоколенческого цифрового разрыва первого уровня не подтверждается на временном промежутке 2013-2018 гг. На протяжении 2014-2018 гг. наблюдаются относительно стабильные показатели расстояния в годах как отрыва между поколениями. Поколение беби-бумеров и молчаливое поколение сравнительно больше отстают по количеству представителей, имеющих доступ к ИКТ, от поколения Y. Межпоколенческий

разрыв второго уровня (по использованию Интернета) более значителен по сравнению с разрывом первого уровня. Разрыв второго уровня, измеренный в годах, относительно стабилен на протяжении 2013-2018 гг. для поколений Z, X, беби-бумеров. Однако, вызывает опасения увеличение разрыва для молчаливого поколения: для достижения уровня использования Интернета поколения Y 2018-го года, молчаливому поколению потребуется 29 лет.

Влияние основного занятия на использование Интернета, подтвержденное результатами эконометрического моделирования, позволяет обосновать концепцию поколенческого подхода к исследованию цифрового разрыва. Образ жизни, основное занятие значимо влияют на использование цифровых технологий, что непосредственно связано с выделением возрастных когорт сверстников, для которых характерны схожие стратегии и стиль поведения, образ жизни.

- Заключение

В настоящей работе предпринята попытка исследования цифрового разрыва в российском обществе с точки зрения двух измерений: между поколениями и во временном аспекте. По доступу к ИКТ и Интернету прослеживается высокая обеспеченность по всем поколениям, кроме молчаливого поколения. Существенный цифровой разрыв второго уровня — в использовании Интернета — прослеживается между поколениями Y, X, беби-бумеров, молчаливым поколением и поколением Z. Увеличение цифрового разрыва между молчаливым поколением и более молодыми поколениями позволяет сделать вывод о необходимости учета особенностей использования Интернет-услуг и Интернет-сервисов представителями молчаливого поколения, оказания им помощи по инклюзии в цифровую среду.

Цифровой разрыв третьего уровня в настоящий момент является предметом научных исследований. Остается дискуссионным вопрос о том, стоит ли вести речь только о выгодах от использования Интернета или необходимо оценивать как выгоды, так и издержки. Перспективными областями исследований являются вопросы эмпирического подтверждения выгод от использования Интернета в области образования, здравоохранения, гражданской позиции, на рынке труда.

Настоящее исследование вносит вклад в научную литературу в части эмпирического обоснования применения поколенческого подхода к анализу цифрового разрыва в России, концептуальному обоснованию трех уровней межпоколенческого цифрового разрыва, анализ

динамики межпоколенческого цифрового разрыва в России, обоснование детерминант использования Интернета индивидами в России.

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00663.

Литература

- Архипова, М. Ю., Сиротин, В. П., & Сухарева, Н. А. (2018). Разработка композитного индикатора для измерения величины и динамики цифрового неравенства в России. *Вопросы статистики*, 25(4), 75-87.
- Башина, О.Э., Васютина, Е.С., & Матраева, Л.В. (2018). Трансформация экономической и трудовой модели поведения современной молодежи в условиях становления цифрового общества. *Знание. Понимание. Умение*, (3). – с. 133-145.
- Богомолова Е., Галицкая Е., Кот Ю., Никифорова Е., Петренко Е. (2020). Особенности современного медиапотребления: межпоколенческий анализ. Фонд «Общественное мнение». Материалы XXI Апрельской международной научной конференции НИУ ВШЭ, 2020 г. – 19 с.
- Волченко О. В. 2016. Динамика цифрового неравенства в России. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. № 5. С. 163—182.
- Добринская, Д. Е., & Мартыненко, Т. С. (2019). Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва. *Вестник РУДН*, 19(1), 108-120.
- Дубин Б.В. (2002). Поколение: социологические границы понятия. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. № 2 (58).
- Индикаторы цифровой экономики: 2019* : статистический сборник / Г.И.Абдрахманова, К.О.Вишневский, Л.М.Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т И60 «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2019. – 248 с. – 300 экз. – ISBN 978-5-7598-1924-0 (в обл.).
- Левада Ю.А. (2001). Поколения XX века: возможности исследования. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. № 5 (55).
- Лисовский, В.Т. (2000). Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России: Учебное пособие (Vol. 11). Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов.
- Митрофанова, Е. (2009). Использование прикладных аспектов теории поколений при формировании социальной, корпоративной и государственной политики. *Демоскоп weekly*, (381-382).
- Радаев В. В. *Миллениалы: Как меняется российское общество*. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2019. — 224 с.
- Радаев, В. В. (2018). Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ. *Социологические исследования*, (3), 15-33.
- Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом "Высшая школа экономики" и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. (Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>)».
- Шамис, Е., Антипов, А. (2018) Теория поколений [Электронный ресурс] // *Психология и бизнес*. URL: <https://psycho.ru/library/2581> (дата обращения: 26.07.2020).

- Bruno, G., Esposito, E., Genovese, A., & Gwebu, K. L. (2011). A critical analysis of current indexes for digital divide measurement. *The Information Society*, 27(1), 16-28.
- Büchi, M., Just, N., & Latzer, M. (2016). Modeling the second-level digital divide: A five-country study of social differences in Internet use. *New media & society*, 18(11), 2703-2722.
- Cruz-Jesus, F., Oliveira, T., & Bacao, F. (2018). The global digital divide: evidence and drivers. *Journal of Global Information Management (JGIM)*, 26(2), 1-26.
- Dewan, S., & Riggins, F. J. (2005). The digital divide: Current and future research directions. *Journal of the Association for information systems*, 6(12), 298-337.
- Eastin, M. S., Cicchirillo, V., & Mabry, A. (2015). Extending the digital divide conversation: Examining the knowledge gap through media expectancies. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*, 59(3), 416-437.
- Hargittai, E. Second-level digital divide: Differences in people's online skills. *First Monday*. 2002, 7, 1-20.
- Helsper, E.J. (2012). A corresponding fields model for the links between social and digital exclusion. *Communication Theory* 22 (4), 403-426.
- Howe, N. and Strauss, W. (1991) *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069*. New York, William Morrow & Company. 554 p.
- ITU (2003). *Measuring the Information Society 2003*; Printed in Switzerland; International Telecommunication Union: Geneva, Switzerland, 2003.
- ITU (2009). *Measuring the Information Society 2009*; Printed in Switzerland; International Telecommunication Union: Geneva, Switzerland, 2009.
- Kormos, E.M. (2018). The unseen digital divide: Urban, suburban, and rural teacher use and perceptions of web-based classroom technologies. *Computers in the Schools*, 35(1), 19-31.
- Kuhn, P., & Mansour, H. (2014). Is internet job search still ineffective? *The Economic Journal*, 124(581), 1213-1233.
- Loges, W. E., & Jung, J. Y. (2001). Exploring the digital divide: Internet connectedness and age. *Communication research*, 28(4), 536-562.
- Mardikyan, S., Yildiz, E. A., Ordu, M. D., & Simsek, B. (2015). Examining the global digital divide: a cross-country analysis. *Communications of the IBIMA*, 2015, 1.
- Mossberger, K., Tolbert, C. J., & Stansbury, M. (2003). *Virtual inequality: Beyond the digital divide*. Georgetown University Press.
- Norris, P. (2001). *Digital divide: Civic engagement, information poverty, and the Internet worldwide*. Cambridge university press.
- Pick, J. B., Sarkar, A., & Johnson, J. (2015). United States digital divide: State level analysis of spatial clustering and multivariate determinants of ICT utilization. *Socio-Economic Planning Sciences*, 49, 16-32.
- Pirhonen, J., Lohich, L., Tuominen, K., Jolanki, O., & Timonen, V. (2020). "These devices have not been made for older people's needs" – older adults' perceptions of digital technologies in Finland and Ireland. *Technology in Society*, 62 doi:10.1016/j.techsoc.2020.101287.
- Prensky, M. (2001). Digital natives, digital immigrants part 1. *On the Horizon*, 9(5), 1-6.
- Rasskazova, E. I., & Soldatova, G. V. (2014). Assessment of the digital competence in Russian adolescents and parents: Digital competence index. *Psychology in Russia*, 7(4), 65.
- Scheerder, A., van Deursen, A., & van Dijk, J. (2017). Determinants of Internet skills, uses and outcomes. A systematic review of the second-and third-level digital divide. *Telematics and informatics*, 34(8), 1607-1624.
- Sicherl, P. (2005). Analysis of information society indicators with time distance methodology. *Journal of Computing and Information Technology*. 13(4):293-298.

- Song, S., Sun, J., Geng, B., & Zhao, Y. (2018). *A qualitative investigation on Chinese middle-aged people's ICT adoption and use* doi:10.1007/978-3-319-92034-4_13.
- Soysal, F., Büşra, A. Ç., & Coşkun, E. (2019). Intra and Intergenerational Digital Divide through ICT Literacy, Information Acquisition Skills, and Internet Utilization Purposes: An Analysis of Gen Z. *TEM Journal*, 8(1), 264.
- Tapscott, D. (1999) *Growing Up Digital: The rise of the net generation*. New York, McGrawHill Companies. 338 p.
- Van Deursen, A. J., & Helsper, E. J. (2015). The third-level digital divide: Who benefits most from being online?. In “*Communication and information technologies annual*”. Emerald Group Publishing Limited. Vol. 10, 29-53.
- Van Dijk, J. (2005). *The Deepening Divide: Inequality in the Information Society*; Sage Publications: Thousand Oaks, CA, USA.
- Van Volkom, M., Stapley, J. C., & Amaturro, V. (2014). Revisiting the digital divide: Generational differences in technology use in everyday life. *North American Journal of Psychology*, 16(3), 557-574.
- Vehovar, V., Sicherl, P., Hüsing, T., & Dolnicar, V. (2006). Methodological challenges of digital divide measurements. *The information society*, 22(5), 279-290.
- Wei, K.K., Teo, H.H., Chan, H.C., Tan, B.C. (2011). Conceptualizing and testing a social cognitive model of the digital divide. *Information Systems Research* 22 (1), 170–187.
- Witte, J.C., Mannon, S.E. (2010). *The Internet and Social Inequalities*. Taylor & Francis. — 191 pp.
- Zhu, S., & Chen, J. (2013). The digital divide in individual e-commerce utilization in China: Results from a national survey. *Information development*, 29(1), 69-80.

Уязвимые группы в условиях цифровизации: вызовы для социальной политики

Важным фокусом социальной политики являются проблемы уязвимых групп населения, в число которых входят лица старших возрастов, женщины, обремененные семейными обязанностями, лица с ограниченными возможностями здоровья. К числу уязвимых часто также относят молодежь, испытывающую сложности при переходе от учебы к работе. Сегодня положение уязвимых групп может меняться под влиянием стремительно распространяющихся цифровых технологий, которые не только радикально трансформируют процессы передачи, поиска и обработки информации, но и изменяют систему взаимоотношений людей в обществе. С одной стороны, это актуализирует угрозу так называемой функциональной неграмотности – неспособности ряда категорий населения, обладающих квалификацией «доцифрового» поколения, безболезненно вписаться в изменяющуюся социально-экономическую среду. С другой, открывает более широкие возможности развития гибких, в том числе дистанционных, форм взаимодействия, которые позволяют более успешно адаптировать проблемные категории в повседневной жизни и в сфере труда. В исследовании предпринята попытка оценить способность и готовность различных слоев и групп населения использовать возможности, создаваемые цифровыми технологиями, выявить факторы, способствующие или препятствующие адаптации к изменяющемуся контексту жизнедеятельности, уточнить состав уязвимых категорий, попадающих в зону повышенного риска социальной изоляции с наступлением цифровой экономики, на которые целесообразно направить специальные программы социальной поддержки. Информационной базой исследования стали данные Комплексного наблюдения условий жизни населения Росстата (КОУЖ). В качестве дополнительных источников информации привлечены данные Федерального статистического наблюдения по вопросам использования населением информационных технологий и Программы международной оценки компетенций взрослого населения. Базовыми индикаторами готовности к использованию цифровых технологий в быту и на рабочих местах показатели уровня и спектра навыков компьютерной грамотности и использования сети интернет различными категориями населения. Исследование показало, что неравномерность распределения навыков компьютерной грамотности и возможностей, позволяющих использовать преимущества цифровой экономики, в

России выше, чем в большинстве стран ОЭСР. При этом существенные различия наблюдаются в зависимости как от социально-демографических характеристик респондентов, так и от внешних обстоятельств. Ключевыми факторами, формирующими неравенство в освоении цифровых технологий, и соответственно, группы риска, по которым динамичное наступления цифровой экономики ударяет особенно болезненно, являются возраст, уровень образования, состояние здоровья (наличие инвалидности), материальное положение домохозяйства и место проживания респондента. В зону риска попадают лица старших возрастов, лица с невысоким уровнем образования, проживающие в бедных и малообеспеченных домохозяйствах, жители сельской местности.

Доминирующим фактором предсказуемо выступает возраст: с возрастом неуклонно падает доля владеющих компьютером и сужается спектр навыков компьютерной грамотности. Функциональная неграмотность прежде всего затрагивает старшие возрастные группы, что следует иметь ввиду при оценке социальных и экономических последствий повышения пенсионного возраста. Улучшение показателей между раундами КОУЖ в большой степени явилось результатом вступления в трудоспособный возраст хорошо адаптированных к цифровой экономике молодежных когорт.

Во всех возрастных категориях значимое отрицательное влияние на оба выбранных индикатора адаптированности к цифровой экономике оказывает фактор бедности. При этом оно наиболее ощутимо в младших возрастах и менее всего прослеживается для лиц пенсионного возраста. В данном аспекте наиболее тревожным является разрыв в возможностях доступа к цифровым технологиям бедной и небедной молодежи. Особо выделены категории населения, обладающие сниженной мобильностью и ограниченными в силу этого возможностями участия в общественной жизни и в оплачиваемой занятости в ее стандартных формах. Для них овладение цифровыми навыками может открыть принципиально новые возможности и в плане повышения материального достатка, и в плане социального самочувствия. К таким категориям относятся инвалиды и лица, обремененные обязанностями по уходу за детьми и другими членами семьи, которые не могут обслуживать себя самостоятельно. Однако по наличию базовых навыков, необходимых для полноценного использования преимуществ, открываемых цифровой экономикой, рассматриваемые категории проигрывают основной массе населения. В первую очередь это касается лиц с инвалидностью. Поскольку часть из них имеет серьезные ментальные нарушения, для этой категории в анализ не были включены лица с образованием ниже общего полного. Предполагалось, что

факт получения полного среднего образования свидетельствует о сохранности интеллекта. Тем не менее наличие цифровых навыков и возможности их использования продемонстрировало лишь около половины из них, что значительно ниже средних показателей. Проведенный анализ показал, что проблема недоиспользования человеческого потенциала наиболее остро стоит для молодых инвалидов, которые в отличие от представителей старших возрастных когорт обладают достаточным базовым уровнем интернет грамотности, в принципе позволяющим вписаться в цифровую экономику. Однако для этого нужно улучшить профориентацию и кардинально повысить эффективность программ профессиональной реабилитации лиц с инвалидностью.

Следует подчеркнуть, что для групп населения, попадающих одновременно под действие двух или нескольких неблагоприятных факторов, риск неспособности адаптироваться к цифровой экономике существенно возрастает. Поэтому целесообразно разрабатывать специальные меры и программы, направленные именно на эти категории. Особое внимание необходимо оказавшейся в зоне риска молодежи, для которой отсутствие соответствующих навыков неминуемо будет выступать серьезным препятствием при построении трудовой карьеры, так как оборачивается снижением их привлекательности для работодателей на фоне высокой интернет грамотности возрастной когорты, в которой они конкурируют на рынке труда.

Совершенствование системы получения алиментов - путь снижения бедности.

Одна из национальных целей страны в период до 2030 года -сокращение доли бедных в два раза. Их численность, как известно, устанавливается по доходу ниже прожиточного минимума. Он на ребенка составляет ныне порядка 11. руб/ мес. Среди факторов ее определяющих, безусловно, есть демографические -семьи с одним родителем и ребенком. Развод - одна из причин материального неблагополучия таких семей, формирующей бедность.

Осложняет дело то, что Россия - один из лидеров по разводам. В 2018 году показатель разводов на 1000 жителей в РФ составлял 4.2 , тогда как в Беларуси-3,4, ФРГ-2,0, в Польше-1,7. Отсюда актуальность поддержания доходов таких семей, имеющих детей, за счет получения алиментов, компенсирующих утрату дохода папы или мамы.

Но, как известно, получение алиментов повсеместно задача не из легких. Так, ныне долг по алиментам в России по данным Росстата достигает порядка 160 млрд. рублей. Их взыскание в пользу детей позволило бы для многих из них снизить риск бедности.

Сложность в том, что взыскание алиментов долго относилось в нашей стране к частному праву, в связи с чем у потерпевших не было поддержки. Только тогда, когда Россия ратифицировала Конвенцию ООН «О правах ребенка», государству пришлось активизироваться через орган, обязанный изымать средства из дохода или имущества должника - Федеральной службы судебных приставов (ФССП). Однако успехи Службы минимальны, удовлетворяется примерно десятая часть долгов, и потому требуется совершенствование системы.

Первый конкурс по разработке научно обоснованных основ этой будущей системы Минсоцзащиты РФ объявило, аж, в 2009 году. Участник конкурса и его победитель- автор этой статьи и будущего проекта. Исходное исследование по нему проходило в Москве при активном участии Вице-Мэра Л.И. Швецовой. Полевая часть его включала: соцопрос, расчет численности участников, изучение причин разводов, правовых оснований (судебное решение , нотариальное соглашение, личная договоренность), изучение зарубежного и советского опыта. Теоретическая часть исследования содержала законопроекты новых институтов, в том числе новых положений в Семейном кодексе, к примеру, обязательное назначение при разводе в суде алиментов либо заключения нотариального соглашения; введение минималь-

ного стандарта алиментов, алиментного пособия; создание Государственного алиментного фонда.

Однако, прежде всего, не было известно, сколько детей претендуют на алименты. Пришлось воспользоваться переписью населения 2010 года, по данным которой можно говорить о почти 2 млн распавшихся семей. В 2012 году автор проекта доложил в Госдуме, что по его оценкам правом на получение алиментов в России обладают 3,2 млн детей, включая официально состоящих в браке, разведенных сожительств, а также одиноких матерей, у детей которых в метрике был обозначен отец. Фактически же получают алименты —порядка 1,1 млн детей. Их размер по данным Росстата составляет 3,2 тыс. руб./мес. по суду, по договоренности- 2,3 тыс. руб.

Что касается неплательщиков, то, по данным ФССП типичный уклонист — трудоспособный и здоровый мужчина в возрасте от 30 до 42 лет. Причем у должника нередко нет официальной зарплаты, а у 170 тыс. из них никакого дохода и имущества, также много с асоциальным поведением- алкоголиков и наркоманов. Ради взыскания алиментов половине должников приставы ограничили выезд за рубеж, а каждого пятого злостного неплательщика ограничили в пользовании водительскими правами, если машина не требуется для работы. Но грустная правда в том, что приставам удается взыскать долги только с каждого десятого должника.

Кроме того, получила распространение такая мера, как признание судом должников по алиментам безвестно отсутствующими, в результате чего взыскатели имеют возможность получать пенсию на детей по потере кормильца. В 2018 году таковых было порядка 400 человек.

Вместе с тем, Россия, где взыскание алиментов организовано в формате деятельности Федерального агентства судебных приставов, в задачу которого входит исполнение всех судебных решений, выпадает из мировой практики. С ее учетом назрела потребность во введении основы регулирования алиментной сферы- государственного минимального стандарта алиментов. Вопрос этот ныне обсуждается в Госдуме РФ.

Чтобы получить эффект от введения государственного минимального стандарта алиментов, необходимо создание в нашей стране специальной структуры –условно Государственного Алиментного фонда (ГАФ). Аналогичные структуры есть во многих странах (Канадское агентство по исполнению алиментных ордеров, Нидерландское федеральное бюро по алиментам, федеральный офис по исполнению алиментных ордеров в США - и т.п.). Она

необходима также с учетом происходящей интернационализации семейных отношений с их особым ракурсом вопросов содержания родителями детей.

Как известно, ГАФ был предусмотрен Стратегией действий в интересах детей в период 2012-2017 г.г., но этот пункт так и не был выполнен. Зато сейчас в 2020 году опять возникла эта идея, которую и ранее и ныне поддерживается председателем СФ В.И. Матвиенко, депутатом Госдумы О.Н. Пушкиной и др. Отсюда автор идеи ГАФ в РФ проф. Л.С. Ржаницына напоминает, что ею разработаны соответствующие законопроекты с расчетами и обоснованиями, которыми можно воспользоваться в начале действий.

Внутренняя продовольственная помощь детям раннего возраста в регионах России

Недостаточное или неполноценное питание детей, особенно в первые 1000 дней (от зачатия до достижения двух лет), имеет долгосрочные негативные последствия: приводит к нарушениям развития детей и ухудшает состояние их здоровья, снижая их человеческий капитал в будущем [Глобальная стратегия... (2003), Victora et al. (2008)]. Сильнее всего на качестве питания детей сказываются состояние бедности семей, в которых они проживают, и различные виды социальной эксклюзии [The State of the World's Children... (2019), Мигунова, Садыков (2018)]. В то же время, по оценкам экспертов Всемирного банка, расходы государств на поддержку питания детей младшего возраста и их матерей имеют высокую эффективность: дисконтированная отдача от них превышает затраты [Nandi et al. (2017)].

В России дети раннего возраста являются одним из основных адресатов политики в сфере внутренней продовольственной помощи (ВПП), т.е. государственной помощи населению в форме предоставления продуктов питания или денежных средств для их приобретения с целью улучшения качества питания и повышения экономической доступности здорового питания. При этом федеральное законодательство задает лишь общее обязательство об оказании ВПП детям в возрасте до трех лет, а также беременным женщинам и кормящим матерям, тогда как все вопросы ее предоставления, включая условия и форму этой помощи, регулируются законодательством субъектов РФ.

В данной работе исследованы вопросы доступности ВПП для детей раннего возраста, в частности нормативный аспект обеспечения доступа к помощи, т.е. особенности нормативно-правового регулирования на региональном уровне, которые на него влияют. Особое внимание уделено вопросу о том, обусловлено ли оказание этой поддержки низким уровнем доходов семей с детьми или проявлением каких-либо форм социальной эксклюзии.

Исследование нормативного аспекта доступности проведено по материалам нормативных правовых актов (НПА) субъектов РФ по состоянию на октябрь 2019 г. Для оценки фактического доступа к ВПП детей этой категории, в том числе из семей с разным уровнем доходов, использованы данные Выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах (ВНДН) Росстата за 2017 г.

Предшествующие исследования этой области социальной политики ограничиваются в основном рассмотрением нормативного поля, формируемого на федеральном уровне, либо анализом на уровне отдельных регионов РФ [Кучма, Величковский (2015), Фаррахов и др. (2013)]. В данной работе обобщены и систематизированы подходы к назначению и предоставлению ВПП детям раннего возраста во всех субъектах РФ. Выявлено, что все разнообразие региональных практик назначения такой поддержки можно описать четырьмя моделями, которые обуславливают различия в доступе к ней детей, проживающих в разных регионах.

В модели 1 (применяется в 30 субъектах РФ) помощь по обеспечению полноценным питанием детям раннего возраста предоставляется исключительно по медицинским показаниям, уровень доходов их семей не учитывается. Модель 2 применяется в 21 регионе и описывает категориальный подход, обеспечивающий наиболее широкий доступ детей к ВПП: единственный критерий назначения – возраст ребенка, а состояние его здоровья и уровень доходов семьи не важны. Модель 3 характеризует самый строгий отбор получателей: помощь назначается по медицинским показаниям и только детям из семей с низким уровнем дохода (13 регионов). Наконец, в модели 4 основанием для предоставления поддержки служит только низкий уровень дохода, независимо от медицинских показаний (48 регионов). Пороговое значение среднедушевого дохода семьи в абсолютном большинстве регионов, использующих этот критерий нуждаемости, установлено на уровне величины прожиточного минимума.

В одном субъекте РФ может применяться сразу несколько моделей, чаще всего дифференцировано по возрасту детей. Наиболее распространенный вариант – сочетание 1й и 4-й моделей, когда поддержка предоставляется как детям, имеющим проблемы со здоровьем, так и детям из малоимущих семей.

Там, где это предусмотрено законодательством, спектр медицинских показаний, необходимых для предоставления ВПП, существенно варьируется от региона к региону. Только единичные регионы полностью придерживаются перечня показаний, рекомендованного Минздравом РФ. Расширение или сужение этого списка (например, его ограничение только редкими заболеваниями) является важнейшим фактором, определяющим доступность данной поддержки для детей.

Данные ВНДН подтверждают, что особенности регионального законодательства обуславливают различия в охвате детей до трех лет поддержкой по обеспечению полноценным питанием. В субъектах РФ, реализующих модели 2 и 4, охват достигает 40-70%, а самым не-

значительным охватом (0,5-5%) характеризуются регионы, в которых поддержка назначается только по медицинским показаниям или если категория детей-получателей сильно ограничена по возрасту.

Разные модели реализации МСП требуют различных объемов бюджетного финансирования: чем больше условий и ограничений действует при определении целевых групп, тем потенциально меньшие затраты требуются из региональных бюджетов. Однако связи между уровнем бюджетной обеспеченности субъектов РФ и затратностью моделей реализации ВПП для детей раннего возраста выявлено не было.

Низкий уровень доходов семьи далеко не всегда служит критерием предоставления поддержки, нацеленной на улучшение качества питания детей. В результате в среднем по стране дети раннего возраста как из малоимущих семей, так и из семей с относительно высокими доходами охвачены этой поддержкой примерно одинаково: по данным ВНДН, охват в группах с разным уровнем дохода варьируется от 16,5% до 17,6%.

Еще одна важная характеристика, которая определяет простоту и гарантированность получения поддержки по обеспечению полноценным питанием, – это форма ее предоставления. В целом регионы отдают предпочтение натуральной форме обеспечения питанием детей раннего возраста. С одной стороны, это позволяет обеспечить максимально целевой характер предоставляемой поддержки, с другой – оборачивается для получателей отсутствием потребительского выбора, а также может быть сопряжено с рядом проблем, связанных с процедурами закупки или производства и распределения продуктов питания. Денежная форма предоставления лишена этих недостатков, что улучшает доступность поддержки для получателей. Однако невозможно гарантировать, что полученные средства будут использованы целевым образом на приобретение необходимых продуктов питания. Поэтому денежные выплаты и компенсации редко применяются, если мера по обеспечению полноценным питанием назначается по медицинским показаниям, и предпочтительнее в тех случаях, когда единственным основанием для предоставления поддержки служит низкий уровень дохода семьи.

На основе изучения регионального опыта регулирования ВПП детям раннего возраста в работе выделены нормативные практики, которые могут способствовать увеличению доступности помощи при сохранении ее целевого и адресного характера.

Список литературы

Глобальная стратегия по кормлению детей грудного и раннего возраста (2003). / Всемирная организация здравоохранения, ЮНИСЕФ.

Кучма В.Р., Величковский Б.Т. (2015). Развитие внутренней продовольственной помощи детям в Российской Федерации // Здравоохранение в Российской Федерации. № 4, 10-15.

Мигунова Ю.В., Садыков Р.М. (2018). Питание детей в современной российской семье: социально-экономический аспект // Вопросы питания. Т. 87, № 2, 103-107.

Фаррахов А.З., Туишев Р.И., Шавалиев Р.Ф., Садыков М.М. (2013). Организация питания детей раннего возраста в рамках оказания медико-социальной помощи детям // Вопросы современной педиатрии. Т. 12, № 6, 5-8.

Nandi A., Behrman J.R., Bhalotra S., Deolalikar A.B., Laxminarayan R. (2017). The Human Capital and Productivity Benefits of Early Childhood Nutritional Interventions // Bundy D.A.P., de Silva N., Horton S, Jamison D.T., Patton G.C. (eds): Child and Adolescent Health and Development. 3rd edition. Washington DC: The International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank, 385-402.

The State of the World's Children 2019: Children, food and nutrition (2019). / UNICEF.

Victora C.G., Adair L., Fall C., Hallal P.C., Martorell R., Richter L., Sachdev H.S. (2008). Maternal and child undernutrition: consequences for adult health and human capital // Lancet, 371(9609), 340-357.

Громов Владимир Владимирович,

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС)

Неиспользованные резервы НДФЛ как инструмента социальной политики государства

Одним из условий и одновременно способов проведения эффективной социальной политики является построение налоговой системы на принципах сбалансированного сочетания интересов налогоплательщиков и государства. Известно, что налоговая система обладает не только фискальной, но также социальной функцией, экономический смысл которой состоит в перераспределении налоговых доходов государства на цели социальной поддержки нуждающихся в ней граждан. Несмотря на разнообразие налогов, эта функция связана преимущественно с налогом на доходы физических лиц (НДФЛ), от правил взимания которого зависит уровень доходов и благосостояние населения. Поэтому, рассматривая социальную политику, нельзя не обращать внимания на налоговые аспекты ее реализации, фиксируемые в особенностях налоговой политики с учетом текущей экономической ситуации.

В том, что касается налогообложения личных доходов, для нас важны два обстоятельства: во-первых, наличие нерешенной проблемы бедности населения и, во-вторых, экономические последствия пандемии. По данным Росстата, доля малоимущего населения, т.е. с доходами ниже прожиточного минимума, на протяжении всех последних лет стабильно превышает 12% притом, что в третьем квартале 2020 г. по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. реальные располагаемые денежные доходы граждан страны снизились на 4,8%. И если с позиции фискальной функции, измеряемой собираемостью НДФЛ, можно говорить об успехах налогового администрирования, то в части социальной функции, которая должна выражаться в максимально точной настройке налоговой нагрузки по уровню дохода, действующие нормы НК РФ имеют ряд существенных недостатков. Речь идет об отсутствии необходимого минимума доходов и слабом влиянии налоговых вычетов на прогрессивность НДФЛ, что в совокупности ведет к сужению его роли как инструмента социальной политики.

Переход к прогрессивной шкале на основе дополнительной ставки 15% с точки зрения малоимущего населения ничего не меняет. При повышенном налогообложении высоких доходов не вводится симметричный механизм снижения нагрузки для низкодходных групп населения. Однако, опираясь на категорию относительного налогового бремени, следует признать, что ценность дохода, отдаваемого государству в форме налога, определяется исходя из

доли средств, которая уходит на оплату минимально необходимых для поддержания жизни и сохранения здоровья благ и услуг. Очевидно, что налогообложение дохода, который соответствует или даже ниже МРОТ, обременительнее, чем уплата налога со сверхвысоких доходов. Фактически изъятие налога, которое ведет к дефициту дохода, означает сокращение минимальных социальных гарантий, ведь МРОТ – это денежная оценка потребительской корзины. Как следствие, при широкой бедности невозможность уменьшения налоговой базы в связи с низким доходом становится чувствительной для населения проблемой. И это, пожалуй, главный недостаток концептуальной основы взимания НДФЛ: платежеспособность налогоплательщика не является самостоятельным критерием для корректировки размера налоговых изъятий, и потому низкий доход не служит основанием для предоставления каких-либо налоговых послаблений. Размер дохода играет роль лишь как вспомогательный критерий при предоставлении налоговых вычетов на детей.

Наличие разнообразных налоговых вычетов рассматривается как некая альтернатива необлагаемого минимума и пониженных ставок, ведь согласно теории налогообложения прогрессивным может быть даже плоский подоходный налог, если его дизайн сочетается с различными налоговыми вычетами и освобождениями. Если обратиться к НК РФ, то в самом деле обнаруживается целая линейка налоговых вычетов, открывающих возможности уменьшения налоговой базы. Но их вклад в прогрессивность НДФЛ невелик в силу нескольких причин:

- 1) только часть вычетов предоставляется в качестве налоговых послаблений и связана с социальной функцией налога. К ним относятся стандартные, социальные и имущественные налоговые вычеты при приобретении и строительстве жилья. Остальные вычеты, как правило, встроены в особый порядок определения налогооблагаемых доходов;
- 2) многие вычеты предоставляются в сумме расходов, т.е. в неявном виде имеют одним из своих условий наличие дохода, выходящего далеко за рамки прожиточного минимума, и являются преимуществом состоятельных граждан;
- 3) инвестиционные вычеты по операциям с ценными бумагами и на инвестиционных счетах несут риски регрессивного налогообложения;
- 4) среди вычетов, которые связаны с целями социальной поддержки, только стандартные налоговые вычеты могут применяться на регулярной основе, так как правомерность их использования определена социальным статусом физическо-

го лица; остальные вычеты не направлены на оказание систематической поддержки;

- 5) стандартные вычеты, по нашим расчетам, охватывают менее 30% населения, занятого на работе по найму, причем эта доля приходится главным образом на вычеты, которые можно получить при наличии одного или нескольких детей;
- 6) вычет на ребенка не может подменить собой вычет низкого дохода. Хотя малоимущими зачастую являются именно семьи с детьми, в налоговом законодательстве эта ситуация интерпретирована некорректно. Лично для себя малоимущий налогоплательщик не получает никаких налоговых преимуществ, а вычет на ребенка использует, сначала уплатив налог со своего низкого дохода, тогда как бедность и наличие ребенка – это разные основания для уменьшения налоговой базы. При этом полное освобождение дохода на уровне МРОТ достигается лишь при наличии у налогоплательщика не менее пяти детей или ребенка-инвалида.

Объединяющей все налоговые вычеты проблемой является отсутствие механизма их автоматической индексации. Так, вычеты для ветеранов, инвалидов и иных лиц, находящихся под социальной защитой государства, не менялись с 2001 г., хотя прожиточный минимум увеличился с тех пор в 8 раз. Инфляционное обесценение вычетов, ведущее к их отставанию от текущих цен, косвенным образом увеличивает налоговую нагрузку, нарушая баланс между фискальной и социальной функциями налога.

Перечисленные пробелы социальной составляющей НДФЛ указывают на то, что его регулирующий потенциал используется не полностью, и существуют резервы, которые могут быть задействованы хотя бы для некоторого улучшения материального положения граждан. Установление необлагаемого минимума не ниже 1 МРОТ и актуализация предельного размера налоговых вычетов представляют собой наиболее востребованные пути совершенствования налога по пути формирования не только фискальной, но и социальной налоговой прогрессии. Причем эти шаги налоговой политики важны не только для корректировки структурных изъянов подоходного налогообложения, но и в качестве дополнительного механизма поддержки населения в пакете антикризисных мер.

Вместе с тем движение этими путями определяется не только желаемой моделью налоговой системы, но и соотношением бюджетных возможностей и ограничений. В этом отношении необлагаемый минимум отражает долгосрочную повестку деятельности государст-

ва, что вызвано сложностями в перераспределении налоговой нагрузки из-за отсутствия среднего класса и ввиду огромных масштабов теневой экономики, в которой государство теряет значительную долю налоговой базы. В частности, установление традиционной прогрессивной шкалы с нулевой налоговой ставкой может быть сопоставимо с потерей государством поступлений отдельных налогов. Но тем важнее становится развитие адресных налоговых вычетов в кратко- и среднесрочной перспективе.